

Г.С. Эрдели

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА РЯДОМ...

Воспоминания. Дневники

Часть I

ДЕТСТВО

Воронеж-2011

Эрдели Г.С. ПРОШЛОЕ ОСТАЁТСЯ С НАМИ... Воспоминания. Дневники. Книга в 4-х частях. Часть I. Детство. – Воронеж: Электронная версия, 2011. – 69 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Воспоминания если не великих, то все же крупных людей, чья жизнь или творчество известны многим, имеют большую ценность и для современников и для потомков. А если это воспоминания обычных, рядовых граждан? Зачем они?

Воспоминания Г.С. Эрдели отчасти затем, чтобы внуки имели представления о её жизни, но, главное, для современников, чтобы они имели представления о времени, которое сейчас или оплёвывают, или восхваляют.

Кроме того, автору приятно, вспоминая, как бы заново пережить и в чем-то, может, переосмыслить своё детство, юность, зрелые годы... Стефан Цвейг сказал, что редко, а точнее почти никогда, в своих воспоминаниях люди бывают обнажённо откровенными. А нужно ли это? И – возможно ли?.. Важно одно, – чтобы всё было правдой, без обмана.

Правда о жизни Г.С. Эрдели – это одна из бесконечных правд человеческих жизней, но это та самая капля, без которой не может быть безбрежного моря. И это та самая правда, из которой складывается всеобщая история человечества.

Компьютерное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

Эрдели Галина Сергеевна – Прошлое всегда с нами... Воспоминания. Дневники.

Часть I. **Детство** – Родные, близкие, окружение, школа, быт тридцатых – начала сороковых годов, до Великой Отечественной войны.

Часть II. **Военная юность** – Дороги военных лет. Фронтовые записки.

Часть III. **Семейная жизнь** – воспоминания из семейной жизни

Часть IV. **По моей стране** – Поездки по странам бывшего Советского Союза

Ефремов Эдуард Петрович, журналист, – **Для внуков, для будущего Родины** – предисловие к 4-м частям книги.

Сведения об авторе

Эрдели Галина Сергеевна родилась в Воронеже в декабре 1926 года. Участница Великой Отечественной войны, кандидат биологических наук, доцент. Работала на кафедре Воронежского государственного университета с 1958 по 1995 год, двадцать лет вела исследования по совместной научной теме с учёными университета Галле-Виттенберг, Германия.

Издательством воронежского университета выпущены книги: «Наши зелёные друзья», «Первое знакомство с зелёными друзьями», «Прошлое всегда рядом», «Раздумья...», «Люди и растения в моей жизни» и другие. А также монография «Изобутираты – новый класс ретардантов» в соавторстве с Г.Н. Хожаиновой и Г. Шиллингом.

ПРОШЛОЕ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Вместо предисловия

Передо мной на столе в синей вазе семь крупных красных гвоздик – по числу моих десятилетий, вчера – 22 декабря 1996 года, мне исполнилось 70 лет. Были дорогие мне люди, подарки, здравицы и многие хорошие, теплые слова в мой адрес, конечно, с преувеличением, но все равно приятно. Что правда, так это то, что я люблю растения, животных, конечно, друзей и особенно – своих близких. Я с уважением и доброжелательно отношусь к людям и ко всему живому. Жизнь сама по себе удивительна и вызывает чувство, близкое к преклонению. Имею в виду и Жизнь, как организацию живого.

Мои друзья и особенно подаренные гвоздики, еще раз заставили вспомнить все эти семь десятилетий. Десятилетий, так резко различающихся между собой в начале жизни (особенно первые два). Менее контрастные в более позднее время, тем не менее, со своими особенностями. И побудили написать об этом.

Воспоминания если не великих, то все же крупных людей, чья жизнь или творчество известны многим, имеют большую ценность и для современников и для потомков. А если это воспоминания обычных, рядовых граждан? Зачем они?

Я начинаю писать свои воспоминания отчасти затем, чтобы внуки имели представления о жизни моей, но, главное, моих современников, чтобы имели представления о времени, которое сейчас или оплёвывают, или восхваляют. Надеюсь, они со временем прочитают эти заметки. (Почему-то интерес к жизни старших проявляется в более поздние годы? Может, потому что в детстве родители и все близкие кажутся существующими всегда? Привлекает новое, будущее).

Кроме того, самой приятно, вспоминая, как бы заново пережить и в чем-то, может, переосмыслить детство, юность, зрелые годы... Стефан Цвейг говорит, что редко, а, точнее почти никогда, в своих воспоминаниях люди бывают обнажены откровенными. А я не знаю, нужно ли это? И – возможно ли?.. Ведь важны не только факты, но и причина, повод, что и самому не всегда достаточно ясно? Только надо, чтобы всё было правдой, без обмана, со своими ошибками и недостатками.

ДЛЯ ВНУКОВ, ДЛЯ БУДУЩЕГО РОДИНЫ

Ничто так благотворно не влияет на наше воспитание, как прошлое. Проходит время, и мы берёмся за авторучку или садимся за клавиатуру компьютера – пишем письма, воспоминания. Кому и для чего нужны эти листочки о былом от завершающего свой век человека? Возможно, мы ведомы тщеславием или жаждою славы? Нет. Всё проще – чтобы внуки прочитали. В этой простоте великая связь времён, чудодейственная мощь воспитания добра, любви к ближнему, и к великой тайне всего живого.

В нашем родном доме, в России, произошло немыслимое – почти столетие всё ширится и ширится пропасть между поколением детей и родителей. Эта проблема извечна – вспомним притчу о блудном сыне, откроем роман Тургенева «Отцы и дети». На протяжении веков здоровые духовные начала народа крепили единство отцов и детей, прошлого и настоящего – тем и сильно было государство. Помянутые притчи и истории, запечатленные в романах, повестях и поэмах – исключения из общепринятых норм. Не бери грех на душу – «чти отца своего».

Помню, приехал в первые студенческие каникулы в Козловку и стал «воспитывать» своих «тёмных» отца и маму – рассказывать им «правду» о Сталине. Мои «тёмные», прошедшие войну, отец окончил исторический институт, а мама с фельдшерским образованием в редкую свободную минуту читала книги Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, Куприна, Чехова, Стендаля, Гюго... Долго, слишком долго был горд своими знаниями того, чего знать не хотели родители, участники и свидетели того, что пришли ниспровергать их «блудные» дети.

А уж «темнота» бабки Шуры, отцовой мамы, явно была бесспорной. Именно она ни в грош не ставила мою учёность. Била своими «козырями». Привёз ей в гостинец дорогую красную рыбу, а она с презрением: «Боль на такую хряновину ня тратьси – ты, видать, настоящей рыбы и не видал...» И начала перечислять таких засолов и копчёностей разновидности рыб, которыми торговали в допереворотной «лавке», что я и названий таких не знал, до сих пор не знаю.

Александра Антоновна была ещё организатором знаменитого Козловского «бабьего бунта» – мужья в армии, а они отстаивали своё право на земельные наделы. Все «бунтарки» получали за то участие в «революционном движении» хорошую пенсию. Моя бабушка перестала знать ся со своими «товарками», а когда из Бутурлиновки приехали агитировать написать заявление на получение особой пенсии («Вы же тут так против царя боролись?!»), то она широко от-

крыла глаза: «Это против какого жё царя?! Да у нас в Козловке отродясь ни-какого царя не было...»

Потом пришёл черёд и мои дети во многом не признавали мою правоту, а уж для внуков своих я отсталый из отсталых – ни «ширеков» не знаю, ни «гоблинов», ни «выдающихся» американских музыкантов, суперменов, совсем неверное представление о том, откуда дети берутся... Их сверстники смеются над «умниками», которые читают про какой-то крейсер «Варяг» и про какого-то Суворова с Жуковым... Очень точно своё отношение к моей сестре, своей бабушке, изложил четырёхлетний Фёдор: «Вылупилась ты из яйца динозавра и живёшь, живёшь...» Девятилетний внук соседа жалуется на деда: «Безграмотный – потому и бедный. А ведь ему с бабушкой надо знать элементарные законы бизнеса – деньги под ногами валяются... Я уже формирую свой капитал – нас этому учат в школьном кружке юного бизнесмена».

Отсекли! И пришли не с мечом или автоматом. У власти дети иного племени. О них читаю у поэта Юрия Серба:

*«В славном нашем русском языке
Не было такого отродясь,
Чтобы нас учили босяки,
Пришлые хазары или фрязь...
Слово наше не согнул Батый,
Не сломал его Наполеон;
Снова мы спаслись – в сороковых,
Но... враги внушают свой закон:
Не скрываясь, правит оккупант,
Нам слышна повсюду его речь –
По домам разносит срам и гвалт,
Поражая хуже, чем картечь...»*

... Но это уже, ловлю себя, не предисловие к книге воспоминаний Галины Сергеевны Эрдели, а начало своей параллельной – слово участницы Великой Отечественной войны, замечательного учёного, тонкого знатока отечественной прозы и поэзии, оставляемое своим внукам, детям и внукам своих студентов, заставляет о многом задуматься.

Нелёгкая жизнь у автора, но как этой жизнью осчастливлены многие, которые ощутили на себе внимание и любовь этого доброго человека.

Вы многое узнаете из жизни довоенного Воронежца, познакомитесь с простыми, но по-своему великими людьми. Апполос Ржаницын, её дедушка, священник из-под Вологды, по этому пути должен был бы пойти и Сергей, его

сын, но из духовной семинарии в 1914-м ушёл на фронт, а там – революция, слушатель академии Генерального штаба РККА, командир полка.

Интересна судьба мамы, взятой бездетной семьёй на воспитание из Новочеркасского приюта... Вы будете читать «Путешествия по России», и поймёте, почему Галину Сергеевну так радушно принимали в Грузии и считали её... грузинкой. Её доказательные, идущие от сердца и знания проблемы, мысли о Сталине...

Все «путешествия» не праздное времяпрепровождение – поездки, связанные с научными интересами, встречи с садоводами, сельхозниками, людьми искусства...

Галина Сергеевна выпустила в свет несколько своих книг – своеобразные «учебные пособия» по биологии, науке, которой отдана жизнь, о друзьях однополчанах, о университетском содружестве, прозаические миниатюры – тоже «учебные пособия», но только для тех, кто стремится к свету, истине, добру...

Данная книга, выходящая в электронном варианте – первый подобный издательский опыт Эрдели. Хотя, возможно, именно этот вариант вызовет много откликов, дополнений к написанному, желание представителей поколения внуков подхватить ту эстафету нравственности, высокой культуры, без которых немислимы ни наука, ни существование Родины...

Для внуков написано, внуки прочтут... Заглянуть бы в будущее – какую Россию они оставят своим внукам? Сумеют ли связать нити прошлых времён, исправить ошибки, допущенные нами, оказавшимися в водовороте времени растерзания некогда могущественного государства?

Эдуард Ефремов,
журналист.

ДЕТСТВО. РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

Начало жизни

Когда мы начинаем помнить себя, с какого возраста?

Первое воспоминание и, как ни удивительно, ещё живое и сейчас ощущение. Зимой или ранней весной, ещё со снегом, в пасмурный день, на меня надели новые варежки. Серые пуховые варежки, и я была им очень рада.

Приятное ощущение вспомнилось ещё и потому, что меня сфотографировали во дворе в тот день, это в памяти. Любительский снимок соседа увидела много лет спустя, уже взрослой. И сразу вспомнился и тот день, и варежки, ощущение мягкости и теплоты.

На обороте снимка карандашом написано: «Галочке полтора года».

И ещё. – У меня есть большая матерчатая кукла, зовут Лёля. Её туловище, руки и ноги из опилок. Голова – из ваты. Лицо у Лёли нарисованное. Я очень её люблю, и когда однажды, почему-то, оторвалась рука, для меня это было большое горе. Пришла с работы мама, пришила Лёле руку и я утешилась.

Во время войны все фотографии, всё, что было в доме, пропало. Чудом у кого-то сохранился снимок – я стою со своей куклой Лёлей на скамейке около низенького дома с маленькими окошками (фото 1).

Через несколько лет это будет наша квартира. Здесь видна только сирень, но я помню – перед окнами у завалинки растут многолетние неприхотливые цветы – мыльнянка. Если растереть цветок в ладонях с водой, появится пена. Но не могу это делать, – жаль цветы.

Особая нежность к мыльнянке сохранилась у меня до сих пор.

Раннее, очень раннее воспоминание, почти как полусон, очень туманно. Я лежу в кроватке, около меня бабушка, говорит о Боге. О том, что он пошлет мне ангела, это будет мой собственный ангел, он будет всегда со мной, всегда поможет, обережёт. Вечером, перед сном надо сказать ему спасибо, если нужно помощи – попросить. Мой ангел связывает меня с Богом.

Может, это было не один раз, потому что – запомнилось. И даже не

Фото 1. Я с куклой Лёлей

столько как она говорила, сколько ощущение *моего ангела*, какой-то невидимой силы, теперь бы сказали – «ауры» – около меня, чем я очень дорожу. Это продолжалось всю жизнь, продолжается и сейчас.

Родилась я в Воронеже у любящих родителей долгожданным (родилась 22 декабря 1926 года, а поженились они в мае 1923 года) и любимым ребенком. Сразу же, как только появилась в доме, принесла много забот, волнений. Началось с потрясения. Когда впервые мама развернула пелёнки, оказалось, что у меня на голове «вторая голова» – огромная шишка.

Можно себе представить мамино состояние, никто её об этом не предупредил. Конечно, отправились к лучшему в Воронеже детскому врачу. Профессор осмотрел меня и сказал папе и бабушке, что это вышли мозги через родничок, буду я ненормальная и лучше, если бы «этот ребенок (то есть, я!) умер». Самое забавное, что профессор в чём-то оказался прав: я все-таки, не совсем нормальна. Как сказал несколько лет назад, на юбилейной нашей встрече по поводу Победы, Андрей Васнецов, однополчанин, я была – «особенная». Не думаю, что это надо воспринимать как похвалу, но всё же, хотелось бы так думать! (Шучу!).

После долгого ожидания ребенка такое страшное резюме известного врача – авторитета! Но опытная медсестра утешила моих родителей: это вовсе не мозги вышли, а просто родовая опухоль – я очень спешила выйти на белый свет, торопилась раньше времени и акушерка меня отталкивала назад, чтобы не повредить маму.

И, действительно, голова моя стала через несколько недель нормальной, а я так и осталась жизнелюбивым существом.

Меня крестили

И ещё, что было со мной необычным: я крещена два раза. Первый – в Покровском соборе, а второй раз меня крестил сам дедушка, когда приезжали мы к нему в Подлесное. Он свою первую внучку решил окрестить сам.

В Воронеже меня крестил знакомый родителям священник Таиров. Мне памятно, как мы ходили к ним домой, когда его арестовали. Взрослые тихо переговаривались, сидя за чаем, а я возилась с Тяпкой. Так звали охотничью собаку. На улице перед их домом машина сбила этого пса. Они подобрали, выходили, но одна передняя лапа стала культей. Потому прозвали Культияпка, прижилось короткое, – Тяпка. Тяпка очень любил гостей, всегда бежал приветствовать. Сразу же после первых восторгов, лез за старой калошей под кровать: «угощать» того, кто пришел. Калошу оставляли ему специально для этой цели, и почему-то, он хранил ее под кроватью.

Кто был моей крестной матерью, не помню, а вот крестный отец – Бабаев Владимир Николаевич. Купеческий сын (у родителей была лавка рядом с драмтеатром) кроме гимназии не получил образования. И до и после войны много лет служил смотрителем в музее Изобразительных искусств.

Очень любил подшутить, рассказать анекдоты. Весёлый и непритязательный, часто бывал у нас. Женился он поздно для своего возраста. Помню в детстве обсуждение этого знаменательного события. Считалось, что брак – мезальянс: его избранная – портниха, работала в ателье. Утешало, что она моложе его лет на 12-15. Но брак оказался счастливым, особенно для него. Добродушная, спокойная, полноватая женщина всю жизнь его опекала. Следила, чтобы был одет, обут, накормлен. Ну, а о высоких материях, мне кажется, он и сам не очень-то рассуждал. Хотя событиями в стране и мире интересовался до глубокой старости. Интересно, что никогда не было желчи в его высказываниях.

Жил он вольготно, любил ходить по городу. Часто заходил к нам домой, ко мне в университет. Но, кажется, не понимал, что мне там может быть некогда уделять ему внимание. Это он, когда немцы угоняли всех из Воронежа, видел бабушку у костра на привале. Но почему-то не подошел к ней, возможно, это не разрешалось.

Фашисты заподозрили в нем еврея, забрали к себе и проверяли на обрезание. Наверное, перетрусил порядочно – от смерти был на волосок. Он не любил вспоминать об этом. Не знаю, была ли с ним его жена Мария Николаевна.

После освобождения Воронежа они стали жить в уцелевшем подвале кинотеатра «Пионер», среди развалин.

Мама с моим тринадцатилетним братом Олегом жила у них зимой в 1946-1947 году. Они голодали, а Мария Николаевна шила, и с мужем питались неплохо. Голодный Олег иногда потихоньку отрезал у них кусочек хлеба, чем Мария Николаевна очень возмущалась. Можно представить себе состояние мамы.

Последние годы уже я иногда навещала их, они давно жили в хороших квартирах. Владимир Николаевич ослеп, вставал только в туалет и чтобы поесть – садился за стол. Мария Николаевна очень ухаживала за ним. Всё было старенькое, но очень чистое, питание вкусное и полезное, всегда вовремя. Было ему в 1989 году 94 года.

Я, к сожалению, приходила редко: много работы, хлопоты по дому. Да к тому же болели ноги, ломала себе руку, потом – ключицу, потом – ногу – с 1991 по 1996 год – три перелома.

Мария Николаевна поддерживала постоянную связь с племянниками в Москве, они часто приезжали, собирались забрать их к себе. Кажется, так и произошло.

Мои родители

В Воронеже, центре России, обрели друг друга Север и Юг. Папа северянин из-под Вологды, мама – южанка из Керчи.

Папины родители – потомственные священнослужители, как и вся их родня. Говорили, что они из зырян (теперь их называют – коми). Насколько я знаю, это разновидность (если можно так говорить о людях) северных россиян. Имена у них особенные. Помню из разговоров, был дядюшка Осекрит а, может

– Асекрит, а деда моего звали Апполос (две буквы «п»). Бабушку звали Софья. Папа – Сергей Апполосович Ржаницын.

Дедушка служил под самой Вологдой в деревянной церкви села Подлесное, Турундаевского района. Было у него девять детей, шестеро умерли в раннем детстве. Остались папа – старший, Александр и Алексей. Алексей приезжал к нам перед войной, он был таксатором (лесостроителем). Жена Лиза и дочка Галя – совсем маленькая девочка, жили в городе Усмани. Мы с мамой ездили к ним в начале войны, какое-то время родители переписывались, потом потеряли связь. Алексей очень скоро погиб на фронте.

Александр в Вологде стал милиционером, муж мой, когда находился там в командировке, ночевал у него и началась было переписка, но потом заглохла. Всё это уже после смерти папы, он умер 23-го августа 1956 года после инсульта.

Если бы не война 1914-го года и не революция, быть бы и папе священником. Он родился 21 (8 – по старому стилю) июня 1894 года и, как старший сын, должен был стать преемником отца. В 1904 году окончил три класса сельской школы, в 1910 году – Вологодское духовное училище, затем учился в духовной семинарии, закончил четыре класса в 1914 году. Но началась первая мировая война, папу призвали в армию. После ускоренного курса Виленского военного училища прапорщиком пошел на фронт. Был ранен. (Шрамом на его теле мама очень гордилась). В 1918 году папу призвали в Красную армию. В 1919-1920 годах он слушатель Академии Генерального штаба РККА, в 1922 году закончил повторные курсы командиров полков при военной стрелковой школе в Москве. Был командиром батальона, полка.

Папе в это время было, видимо, непросто. К бывшим офицерам относились настороженно. Помню единственный эпизод из папиных рассказов о той войне. Может, других и не было – он не любил вспоминать.

У папы, как у командира, хранились деньги полка, предназначенные для пропитания солдат. (Мне кажется, это интересно, говорит о том, как было организовано снабжение армии в годы гражданской войны).

И вот, однажды в походе он заметил, что у него нет кошелька с деньгами, выронил по дороге. Сказал об этом комиссару, и они поехали (полк пехотный, но командир и комиссар – на конях) назад по дороге, вглядываясь в землю. Комиссар, кажется, не очень поверил, он смотрел вниз, но поглядывал и на папу.

К счастью, пропажу быстро обнаружили, – кошелёк лежал на краю дороги. Похоже, облегченно вздохнули оба – и папа, и комиссар. Если бы деньги не нашли, в случайность солдаты бы не поверили, расправа могла быть короткой.

Во время гражданской войны папа дважды был ранен – в голову на станции Чернухино 10 апреля 1919 года (остался в строю), а 16 сентября под Новым Осколом – в ногу, лечился в госпитале до ноября. Об этом я узнала из его военного билета уже после того как папы не стало.

После гражданской войны в качестве адъютанта командующего ЧОНа приехал в длительную командировку в Воронеж. Мама служила в то время в ЧОНе: канцелярский работник, без специального образования, только гимназия. В то время 19-20-ти лет, красивая, по-настоящему хорошо, пела.

И 10 мая 1923 года папа стал маминым мужем, перешел к ним жить. К огорчению мамы, демобилизовался. После регистрации мама стала уже не Попова, а – Ржаницына Анастасия Викторовна (дома и знакомые её звали Туся). Кстати, им пришлось регистрироваться дважды: во время войны все документы пропали, и уже в пятидесятые годы пришлось вновь пройти через церемонию регистрации брака.

Они любили друг друга, были преданы семье, оба были романтиками в хорошем смысле этого слова и внешне подходили друг другу. Папа – высокий, стройный, с глазами иногда зелёными, иногда карими, русыми волосами. Правда, во время войны и потом, он сбрасывал их остатки (и раньше-то волосы не были густыми). Но форма головы была хорошей и папу это не портило. Интересный мужчина, добрый и умный. Я бы даже сказала – мудрый. Высшего образования получить не смог – не хватило терпения у мамы на его вечерние занятия. Работал экономистом-плановиком. Работа ему нравилась, особенно, как он говорил – плановика, здесь надо знать и думать – творческая работа. Папа был житейски неприспособленным человеком, за что, бывало, от мамы получал ворчание. Хотя она и сама была такой же.

В отличие от папы, мама – брюнетка. Глаза почти чёрные, а волосы, брови, ресницы жгуче чёрные и даже лицо немного смугловатое – сказала грузинская кровь. По общему мнению, – красивая, с хорошей фигуркой, только худенькая. Без специального образования, после окончания курсов, мама работала бухгалтером. В начале войны даже заместителем главного бухгалтера в тресте «Облпроект». После войны не работала, вязала на продажу шерстяные платки, шарфики.

Не помню, чтобы папа болел, а мама – очень больная женщина. У неё столько было болезней, что и на десятерых бы хватило: болезнь крови (Верльгофова болезнь – хрупкость кровеносных сосудов и плохая свертываемость крови), болезнь почек. Камни в почках вызывали сильнейшие приступы боли. В 1936 году одну почку пришлось удалить. Профессор Русанов Андрей Гаврилович потом показал маме камень из её почки, величиной с голубиное яйцо. В 1948-1949 годах заболела вторая почка, – стал выделяться песок. Помогли не лекарства – совет старой медсестры пить много настоя шиповника. Через месяц песок исчез, и боли прекратились, почка стала работать нормально.

В добавление к этим болезням перед войной появились язвы желудка и двенадцатиперстной кишки.

Несмотря на плохое здоровье, характер у мамы был «живучий», она не обращала внимания на болезни и по этому поводу не жаловалась. Только из-за болезни крови испытывала неудобства перед врачами.

Эта болезнь обычно передается по наследству (у царевича Алексея тоже была такая болезнь), и маму расспрашивали про её родственников. А она ничего о них не знала, и признаваться в этом не хотела. Мама – приёмная дочь.

Не знаю, по какой причине у бабушки не было детей. В 1905 году знакомые ей сообщили, что в Новочеркасском детском доме (тогда он назывался приютом) есть хорошенькая девочка полутора лет, незаконнорожденная. Её

мать – кубанская казачка, отец – грузинский князь. Бабушка поехала туда и забрала девочку с условием, что никто знать не будет о её судьбе. Не знаю, сохранили имя или дали своё – Анастасия. И стала мама Анастасией Викторовной Поповой. Родилась она 11 (по новому стилю) ноября 1903 года, лет до восьми не знала, что приёмная дочь. «Сердобольные» соседи рассказали. Но приемные родители маму очень любили, и большой травмы это не принесло. Однако, при разговоре с врачами «обнародовать» не хотелось, и бедная мама, правдивый человек, от этого мучилась.

В первый раз болезнь крови проявилась, когда ей было 16 лет. Машин скорой помощи в это время не было (в девятнадцатом году), маму несли на носилках с улицы Венецкой по Петровскому спуску наверх в больницу около Первомайского сада (теперь 2-я больница). Мама была очень бледная от большой потери крови, прохожие останавливались, смотрели. И какой-то, судя по внешнему виду, рабочий, положил ей на грудь красную гвоздику и сказал: «Ну, ничего, не бойся, мы отомстим!». Решил, что она пострадала за революцию. Не знаю, чей был город в эти дни – красных или белых.

С тех пор маму мучили ежемесячные сильные кровотечения, часто шла кровь из носа. При малейших ушибах, она даже не замечала удара, на теле появлялись ужасающие синяки. От этого очень страдала, особенно летом.

Интересно, что в армии – никаких кровотечений. Нашим организмом, видимо, во многом правит наше подсознание. В годы войны у многих застарелые серьёзные болезни не проявлялись, больных было меньше обычного. Болезни обострились, вспыхнули с новой силой, когда война закончилась, и нервное напряжение спало.

У мамы после войны таких сильных кровотечений, как до войны, уже не случилось (наверное, сказался возраст), но болезнь только притаилась, притихла. Мама всегда говорила, что когда-нибудь умрет от потери крови. Так и получилось. В декабре 1964-го года дала о себе знать язва двенадцатиперстной кишки – образовались спайки, закрыли проход. Пища стала рвать сосуды, пошла кровь. А операцию делать нельзя при её возрасте и болезни. Мама, несмотря на усилия врачей, умерла от потери крови, руки были уже совсем холодные, когда она еще дышала.

Дедушка и вера в Бога

Говорят, папин отец был человек суровый, исполнял свои церковные обязанности добросовестно, видимо, в Бога верил. Его жену, бабушку, вспоминали как очень добрую, спокойную женщину, которой было нелегко с жёстким и требовательным мужем. У нас висел её большой портрет в раме – увеличенная фотография красивой, уже немолодой женщины, с косой вокруг головы. Во время войны он пропал, как и всё, что оставалось в доме.

Они имели лошадь, корову, птицу, пасеку, занимались сельским хозяйством, чтобы прокормиться. Папа в детстве пахал и сеял. Мама вспоминала, – когда я родилась, мне выделили отдельный улей, и присылали мёд в ящичке, такой твёрдый, что его резали ножом. Белого цвета, очень вкусный, ароматный северный мед.

Дом, как и все дома в той местности, стоял на сваях. Внизу – коровник, конюшня, – службы, люди жили наверху. Мама рассказывала, когда однажды меня, совсем ещё маленькую, пронесли мимо, корова высунула голову и замычала, чем меня сильно напугала. С тех пор долгое время можно было утихомирить и уложить спать лёгким мычанием. Глаза становились круглыми, капризы исчезали, и я легко давала уложить себя в постель.

Мама была в Подлесном дважды. Первый раз вскоре после замужества, где и познакомилась с бабушкой, которая маме очень понравилась. А деда мама побаивалась. Второй раз это было уже после смерти бабушки и моего рождения, но об этом несколько позже.

Я иногда думаю, был ли дедушка глубоко верующим, или это было что-то от преданности своему долгу? У них соблюдались посты, хотя для детей не очень строгие. Дедушка не употреблял спиртного, и не любил священников в подпитии приезжавших к ним в гости на Рождество.

Воспоминаниями иногда предавались родители, почему-то только перед войной. Тогда они вспоминали свою юность, детство. В более поздние годы этого не было. По папиным воспоминаниям многие священники не утруждали себя ревностным служением Богу. Вспоминал папа разные забавные случаи. Сущность их не помню, а вот смех родителей запомнился хорошо.

Когда сейчас пытаются представить дореволюционную Россию как патриархальную, богобоязненную, сплошь верящую в бога, то становится не то, чтобы смешно, но – грустно. «Возрождение духовности» связывают с верой в Бога, точнее, наоборот – вера в Бога – возрождение духовности.

Во-первых, духовность – только частично может быть связана с верой, и то, лишь у некоторых людей. Атеизм не предполагает обязательное отсутствие духовного, то есть, интеллектуального развития человека. Ну, а то, что «возрождают» сейчас – такой мрак, какого не было в России никогда. Я не беру времена Ивана Грозного. Речь идет о грамотных людях, часто с высшим образованием. Но – казино с его увеселительными «аттракционами», насилие, ужасы и эротика по телевизору, книги с порнографией под видом эротики, объявления в газетах о «досуге» с девушками, которых можно вызвать по телефону в любое время суток, причем доставка девушек и выпивки – бесплатно. Астрологи, колдуны, приговоры, наговоры... Даже в газетах публикуются адреса колдунов, «снимающих порчу».

Когда говорят о верующих того времени, вспоминаю старушку, жившую в нашем дворе – Анну Степановну. За несколько лет до войны ей было лет семьдесят, а, может, и больше. Ходила с палочкой, в длинной юбке, повязана платочком под подбородком. Он закрывал лоб, волосы и кажется, был на ней даже ночью. Красноватое, длинное лицо никогда не улыбалось. Она часто бывала в церкви, слыла очень богомольной, соблюдала все посты и очень ругала тех, кто по воскресеньям или другим «церковным» дням, занимался домашними делами: стирал, гладил, прибирал. Особенно доставалось нам, детям – за шум и беготню, что считалось, по её мнению, греховным.

Такая богобоязненная старушка. Только однажды соседи увидели болтающуюся из окна на веревке кошку. (Дом одноэтажный). Это Анна Степановна привязала их кошку за шею, выбросила в форточку и держала веревку с другой стороны, ждала, когда задохнется. Когда кошку отняли, сказала, что надоело открывать форточку, выпуская погулять.

Думаю, это тогда в большой мере привело меня к отрицанию церковных обрядов. Да и у нас в семье истово верующих не было. Бабушку, с которой я жила, не помню очень богомольной, хотя иконы у нас в моем детстве висели в углу, горела лампадка. Изредка бабушка бывала в церкви. Раза два или три бабушка брала меня с собой в Покровский собор, на бывшем Мясном базаре.

Осталось в памяти особое состояние внутри собора. Тишина, торжественность, звучание слов священника и музыки, пение, настраивали на сосредоточенность и какое-то совершенно не обыденное внимание к окружающему и ощущение себя.

Церковь заполнялась мало, думаю, это помогало внутренней сосредоточенности. Однажды, в большой церковный праздник, после поста, когда причащали вином и давали просвирки, стояла очередь. Тот, кто давал вино и просвирки, спросил, говела ли я. Бабушка сказала, что не говела, и мне ничего не дали. Помню голос: «Не говела – нельзя». Когда мы выходили из церкви, бабушка отломала мне кусочек просвирки.

Сейчас, да и много раньше, но уже взрослой, мое состояние того времени, к сожалению, не повторялось, хотя в церкви без большого количества молящихся, бывать приятно. Удивительно, как память сохраняет не только события, но и ощущения, восприятие окружающего в самые ранние детские годы. Жизнь подходит к концу, может, она уже «на пороге», но часто ощущаешь в себе то, давным-давно пережитое.

Говоря о церкви, можно понимать и принимать её высокую роль утешителя и в какой-то мере, средство для возвышения духовного в человеке. В тишине, торжественности, под куполом, среди свечей и благовоний, находишь покой и надежду. Особенно если про себя высказываешь самые заветные желания. Это может быть своеобразная или настоящая молитва, страстное выражение желаемого, мольба. И даже само это высказывание служит утешением.

Церковь создана умными и добрыми людьми, психологами. Не случайно во время войны открыли много церквей. Это помогало многим пожилым, да и молодёжи, переносить страх за жизнь тех, кто на фронте, тяготы войны в тылу, боль от потерь. Мне кажется, особенно православная церковь хорошее средство для снятия стрессов, для утешения, в этом помогает и коленопреклонение. В нём мне видится больше душевной отдачи, чем сидение на скамьях, у католиков, какая-то связь с особенностями русской души (если говорить высоким слогом): больше самопожертвования. Сидя на скамье в костёлах, можно вбирать в себя, но не отдавать, во всяком случае, не отдавать своей души полностью.

Я вижу связь между особенностями языка, церковью и психологией людей. По-моему, не случайно у немцев, где очень строги грамматические каноны, развиты пунктуальность, дисциплинированность, подчинение закону. У

англичан, где особенно важно произношение, важна и форма поведения. А у нас и в грамматике и в поведении нет ни строгой дисциплины, ни одинаковости, но больше (может, и здесь связь?) сердечности: либо привязанности, либо неприязни. К сожалению, больше и непредсказуемости.

В этом, мне видится и связь между православием, особенностями русской, как теперь говорят, «ментальности», и общественным устройством. Не случайно идеи революции, возникшие на Западе, были приняты у нас в России – массой народа. Между учением Христа, особенно его Нагорной проповедью, и моральным кодексом коммунистов, практически нет различий. Другое дело, как воплотилось учение в жизнь, но ведь по учению церкви мало кто жил и в те годы. А сейчас, когда на нас, как блох, напустили разные ужасы в фильмах, казино, секты... Когда пытаются убить и православие и русское мироощущение, сделать нас (что в какой-то мере делается небезуспешно) прислужниками Запада, становится не просто страшно – ужасно!

Только верю в историческую предопределенность, общественную эволюцию: смена формаций не проходит быстро и гладко. На Земле настало время, когда и экономически и экологически (чтобы выжить) должна наступить эпоха социализма. Первая попытка показала хорошие перспективы, но и большие сложности, борьбу противоречий, силу старого, дореволюционного.

Борьба с церковью вскоре после революции главным образом связывалась с враждебностью духовенства, которое не хотело терять власть. А власть духовенство имело очень большую.

Но вернемся к основной канве. Церковь была нужна ещё и потому, что церковь – не только снятие стрессов, утешение, это ещё, особенно в большие церковные праздники, – и красивое театральное действо, где реализуется потребность в красоте.

Можно себе представить, как высокое красивое здание, особенно в старой деревне, с её низенькими избушками, маленькими окошками, курами под печкой, а то и теленком, поросенком зимой в хате, радовало глаз даже снаружи. Высота купола, обилие икон в серебряных окладах, позолота, свечи, музыка... Все это давало отдых от обыденного, от тяжкого крестьянского, да и городского, труда, забот.

Красота необходима каждому человеку. Хотя не все это понимают, в каждом живёт *потребность* в красоте и творчестве. Думаю, главное, что отличает человека от прочих живых существ – потребность в красоте и созидании. Счастлив тот, кто это поймет и найдет приложение своим способностям и желаниям.

Бабушка (мамина мама), как я уже сказала, по праздникам, в церкви бывала, а вот родители, – нет, во всяком случае, не помню. И папа, казалось бы, с детства впитавший в себя православие, был атеистом.

А дедушка в пору гонения на церковь проявил себя последовательным борцом за веру. Когда, в конце двадцатых годов, умерла жена, он написал папе, что ему одному трудно и чтобы, как старший сын, он с семьей приехал к отцу. Но в это время церковное начальство предложило ему стать архиереем. И де-

душка принял монашество, продал лошадь, корову, прочее, купил облачение. Его назначили архиереем в Моршанск (Тамбовская епархия). К сожалению, он не написал о своих изменившихся планах моим родителям, что значительно усложнило их дальнейшую жизнь.

Помню, он заезжал к нам (наверное, в начале тридцатых годов). Я сидела у него на коленях. Помню его колючую бороду и необычную одежду, всё это меня смущало, сидеть было неловко. Наш нынешний церковный владыка – Алексей второй, напоминает мне деда, – похож. Только борода у моего дедушки была погуще и поокладистее. Об этом сужу по фотографии деда в скромном облачении – в тёмной рясе, с большим крестом на груди. Показывал свой головной убор церковный с драгоценными камнями, на них ушли деньги от продажи домашнего имущества.

Служил он в Моршанске Тамбовской области, не терпел советскую власть и где-то, видимо, проговорился. Его арестовали, не знаю, в каком году, но в тридцать восьмом – расстреляли. Об этом мы узнали только через одиннадцать лет. Знали, что он исчез, но чем кончилось исчезновение, можно было только догадываться. Мама по этому поводу возмущалась, а папа говорил, вздыхая: «Лес рубят – щепки летят». Папа революцию принял, потом сознательно стал членом партии, в сорок втором году, считал, что происходят изменения, нужные для всех. Он был мудрый и добрый человек, и умел отделить идею от её исполнителей, часто неумелых или нерадивых.

Когда мы жили в рыбхозе «Двуречье» Моршанского района (после армии, в 1944-1945 годах), хозяйка квартиры в Моршанске потихоньку папе что-то рассказывала про деда. Помню, с большим уважением относилась и к папе, как сыну дедушки.

Как мы узнали судьбу деда?

В 1948-1949 годах я была личным секретарем незрячего преподавателя Пединститута Степана Иосифовича Батраченко, а он начинал работу над кандидатской диссертацией «Воронежские большевики в годы гражданской войны». Мне нужно было с ним работать в партийном архиве, для чего я заполнила специальную анкету, где указала только, что отец – сын священника. О судьбе дедушки не знали, хотя догадывались.

Через некоторое время узнаю, что мне нужно позвонить в партийные органы Воронкову (или Воронцову, не помню). Когда он обвинил меня в сокрытии судьбы деда, я разозлилась и стала по телефону его отчитывать: «У нас дети за отцов не отвечают, я ведь не скрывала, что отец – сын священника, а что с дедом, я не знаю»... Он замолчал и сказал, чтобы папа зашел в райком партии. Там папе и рассказали.

Помню наш разговор с папой об этом на улице, когда он возвращался из райкома. К моему стыду, в то время я не совсем поняла состояния папы, дед был для меня чужим человеком, поэтому боли я не испытывала, лишь жалость, по-настоящему не поняла и папину боль. Хотя он её и не показал, точнее, не сказал о ней, был только тих и сосредоточен. Конечно, он догадывался, но всё равно, узнать, хоть и через много лет – тяжело. Хорошо поняла его состояние

позже, когда папы уже не стало, и я сама испытала, что такое потеря близкого человека.

Бабушка

Бабушку, с которой я жила, помню и хорошо, и не очень. Помню её лицо, старческую уже походку. Молодой не видела даже на фотографии, их не было. Почему, не знаю. Только одна. Небольшой групповой снимок на лоне природы. На траве сидят шесть женщин и четверо мужчин. Мужчины с тросточками, один сидящий впереди в военной форме, офицер. С правой стороны прилегла бабушка, она в темном платье, у остальных женщин светлые кофточки. На маме светлое платьице. Кроме неё детей нет, ей лет 6-8. Лица очень мелкие, едва различимы. На головах почти всех женщин шляпы. Особенно выделяется бабушкина шляпа – целый торт. Наверху шляпы лежат цветы, это был «крик» моды в то время (фото 2).

Фото 2. Мама с бабушкой в группе бабушкиных знакомых

Сохранилось в памяти: мы с бабушкой идем по проспекту Революции. На площади Никитина подходим к памятнику (он стоял тогда посредине площади). Я наклоняюсь через цепочку ограды, она мне по пояс, нюхаю цветы. Сейчас памятник после пребывания в Кольцовском сквере, вновь вернулся на площадь, но стоит сбоку, не мешает возросшему движению. Сохранилась и ограда, только теперь её цепь не доходит до моего колена, она ниже: я выросла с тех пор.

Всё прошедшее сохраняется в нас, даже память ощущения рукой звеньев цепи, тогда с мою ладошку.

И ещё помню, как в палисаднике около дома бабушка на примусе в медном тазу варит варенье. Я стою рядом, жду пенки. Варенье сейчас нельзя, варенье на зиму, а пенки – моя добыча. Намазанные на булку, они очень вкусны, особенно вишнёвые.

Я и теперь люблю пенки больше, чем варенье.

Нельзя сказать, что мы с бабушкой были друзьями и, к своему стыду, не могу сказать, что я её любила. Нельзя сказать и так, что не любила. Между нами не помню ласковости, причем с обеих сторон. Наверное, мы были ближе в моё раннее детство. Сейчас я её очень жалею, тем более, зная, хотя не до самого конца, трагическую судьбу. О том, что она не родная бабушка, я узнала уже во время войны, думаю, не все знакомые знали об этом.

В 1942 году ей исполнилось 80 лет. Её звали Надежда Николаевна Попова – весьма распространенные фамилия и имя. В связи с этим хочу отметить случай, над которым потом посмеивались родители не раз, хотя тогда им было не до смеха. Я его не помню: проспала, дело было ночью, и меня не тревожили.

Так вот, ночью пришли к нам на квартиру двое в штатском, спросили Надежду Николаевну Попову, предъявили ордер на обыск. Что искали, стало известно перед их уходом. Время тревожное – середина тридцатых годов. Обыск они сделали быстро – квартира маленькая. Но у бабушки в кровати под подушкой лежал большой старый портфель, полный хранящихся много лет писем. Его обнаружили в самом начале. Мама вспоминала: один из них взял портфель подмышку и не выпускал всё время, пока они осматривали остальное в квартире. Потом сели за стол друг перед другом, выложили письма и стали их внимательно читать. За этим занятием застал рассвет. Ознакомившись с содержанием, они вернули эпистолярные бумаги родителям, и посоветовали не хранить. Что с радостью было обещано, и, кажется, выполнено. Но письма помогли: их чтение убедило проверяющих в ошибке – искали Н.Н. Попову, обладавшую значительным количеством золота и драгоценных камней, чего у бабушки никогда не бывало. Так что ночные товарищи принесли извинения и спокойно ушли.

Мама потом с улыбкой вспоминала, как они сидели за столом и читали письма, очевидно, рассчитывая что-то обнаружить, хотя, повторю, тогда нашим было не до смеха.

Вернемся к началу. О своих родных бабушка не рассказывала. Помню только один случай из жизни её бабушки, когда та была ещё молодой. По видимому, они принадлежали к сословию мещан – получивших среднее образование чиновников. Так вот, однажды бабушка моей бабушки, будучи молоденькой девушкой, заболела. Пришедший доктор, между прочим, спросил, нормален ли у нее «стул». Бедная девушка после ухода доктора плакала: «Откуда он знает, что я хожу в туалет?».

Не знаю, в каком возрасте бабушка вышла замуж, за служащего на железной дороге. Дедушку хвалили все, кто его знал, он был добрым, хорошим человеком. Папа тоже вспоминал его тепло. Жили они в своем небольшом деревянном домике на улице Венецкой (от Петровского спуска вдоль реки влево).

Бабушка звала своего мужа «ВиктОра», видимо, очень им командовала. В случае неповиновения могли быть слёзы, доходящие до истерики. Истерики бывали вначале и во время маминого замужества. Папа сумел их решительно пресечь, и в его присутствии истерик не помню.

В первой половине двадцатых годов была безработица и дедушку, когда ему исполнилось 60 лет, отправили на пенсию. Вскоре он умер, мои родители считали, из-за тоски по работе. Его не стало еще до моего рождения. А бабушка одно время работала в кинотеатре «Пролетарий» тапёром – играла перед экраном на рояле, тогда шли «немые» фильмы.

В молодости они страдали из-за того, что не было детей. Одно время у них жил мальчик Виктор Ганзиер. Он, его два брата и две сестры в очень короткое время неожиданно осиротели, и сослуживцы разобрали их по своим семьям. О сестрах расскажу позже. Виктор был офицером в империалистическую войну (фото 3).

Добрые отношения поддерживались всю жизнь. Он умер перед войной, в моем тогдашнем представлении уже немолодым человеком, помню, как в гробу его, седого, выносили из морга.

Всё время ухожу от рассказа о бабушке. Она имела ещё родственницу, которая жила у бабушки до выхода замуж. Её муж – начальник железнодорожной станции Таловая. Мама девочкой часто у них гостила. Лидия (не помню ни отчества, ни фамилии) была очень красивая женщина. Приходящие гости приносили ей коробки конфет. Коробки доставались маме, они были очень красивыми, с шёлком и бархатом, мама их вспоминала.

Когда началась гражданская война, муж Лидии заболел тифом и умер, похоронен на Чугуновском кладбище (теперь там телецентр). Стояла холодная мокрая осень, а Лидия каждый день ходила на могилу и подолгу там сидела, простудилась, заболела воспалением легких, оно перешло в чахотку, так тогда называли туберкулез. Умерла в 1927 или 1928-м году, не помню точно. Она уже лежала в постели и просила,

**Фото 3. Виктор Ганзиер –
бабушкин воспитанник**

чтобы меня принесли к ней. (Жила она у нас.) Мне было несколько месяцев, Лидия держала меня перед собой, я топала ножками по ней. Она радовалась, а мама очень волновалась: туберкулез в открытой форме очень опасен. Чтобы я не заразилась, решено было уехать на время в Вологду. Лидия верила в свое выздоровление, но надежды не было никакой.

Бабушкино лицо особенно памятно, когда она лежала в больнице с двусторонним воспалением легких в 1940 году. Морщинистые, провалившиеся, старческие щёки, но лицо не тёмное, с розовыми прожилками и голубыми глазами. Вот эти голубые глаза были ласковыми и радостными, чего в другое время не помню. Не помню её ласковой, но не помню и злой. Помню вечно занятой у керосинки и примуса, за приготовлением еды. Днём она немного отдыхала, по крайней мере, несколько лет перед войной.

Помню, как бабушка рассказала мне, что курение вредно...

У нас дома все курили – папа, мама и бабушка, все папиросы разных марок. Распечатанные пачки папирос лежали в комнате открыто. И однажды я решила попробовать покурить.

Бабушка готовила обед, не обращала на меня внимания. Я взяла по одной папиросе из разных пачек, зашла в бабушкин «закуток» (у неё был отгорожен угол в нашей однокомнатной тогда квартире), и закурила. А было мне около шести лет.

Мужественно сделала несколько затяжек папирос всех трёх сортов и мне стало так плохо – закружилась голова, стало тошнить, «отказали» руки, ноги... Я испугалась, что умираю, но признаваться бабушке не стала, только спросила: «Бабушка, от курения умирают?». Бабушка «прочитала лекцию» о вреде курения, но мне нужно было только знать, что сейчас, в данный момент, я не умру. Дальнейшее меня не интересовало, знала, что курить уже никогда не буду. Так и получилось.

С бабушкой связано и еще одно воспоминание

Самое начало тридцатых годов. Наблюдаю в окно, как мастер, стоя на лестнице, пробуривает отверстие в стене и протягивает в комнату шнур: нам проводят радио. Это премия моей маме за хорошую работу, она бухгалтер. Теперь у нас висит на стене чёрный картонный конус. Кажется чудом, что из него слышится музыка, песни, человеческая речь.

Из того, раннего детства, запомнилось, как мы с бабушкой (вернее, я с ней) внимательно прислушиваемся к сообщениям о полете в стратосферу трех наших первых покорителей заоблачных вершин. Но это было уже в тридцать четвертом году. Мы слушаем, как они радостно сообщают о своем подъёме всё выше и выше, и радуемся вместе с ними. А потом они замолчали, и была тревога. Долго мы слушали молчание в минуты, когда должна была передаваться с ними связь, долго ещё надеялись, что они живы...

Трое совсем незнакомых людей стали нам близки. Наверное, это было первое ощущение сопричастности к тому, что выходит за рамки дома, за инте-

ресы семьи. Их фамилии тогда знала вся страна: Федосеенко, Васенко, Уснин.

Радио особенно памятно до войны, когда передавали инсценировки пьес классических авторов, рассказы, звучала хорошая музыка. В то время радио помогало всем становиться лучше, познавать достижения мировой культуры. Это же было и долгое время после войны: никакой пошлости, двусмысленности, вульгарности. Радио было эталоном интеллигентности. Таким же эталоном были и фильмы, и появившееся позднее телевидение. Они вели за собой.

Во время войны больше запомнились передачи сводок Информбюро. В эти минуты около репродукторов на улицах собиралась толпа, и люди молча смотрели вверх, на репродуктор, как будто надеялись что-то там и разглядеть.

Не могу сказать, что бабушка часто ворчала, но иногда она бывала раздражительной, и если я её не слушала, впадала в истерику. Дрожащими руками я капала валерьянку, бабушка пила, мы обнимались, обещая ничего не рассказывать родителям, когда они придут. Но я не чувствовала раскаяния подлинного, было только сознание, что лучше бы так не делать, как говорится, «себе дороже». Бабушку я не жалела, скорее возникало против неё раздражение.

Теперь иногда задумываюсь – каковы мои отношения с внуками, кажется, что не такие: в чём-то есть понимание, в чём-то даже взаимопонимание и думаю, есть и любовь с их стороны и они чувствуют мою любовь к ним. Любовь ко мне моей бабушки я не чувствовала, но, видимо, была не права, просто она не проявлялась внешне, особенно, когда появился брат.

Когда летом 1942-го я уехала на полевые работы со школой в Эртильский район, а началась сильная бомбежка Воронежа, бабушка отправила маму с братом ко мне: «Иди, собирай детей. Бомбовки (бабушка говорила «бомбовки») я не боюсь, а немцы в город не войдут». Когда 2-го июля мама с моим братом уходили ко мне, никто не подозревал, что через 3-4 дня правый берег, где мы жили, будет взят фашистами. Мама никогда не могла себе простить, что оставила бабушку дома. Особенно мучило сознание, что она неродная дочь и оставила свою приёмную мать. Уходя из Воронежа, мама собиралась найти меня и вернуться к бабушке, но возвращаться стало некуда.

Воронеж был очень сильно разрушен – после освобождения оставалось неповрежденными только 3 % зданий. Наш дом уцелел, а бабушку вместе со всеми жителями, из Воронежа фашисты угнали. И 80-летняя бабушка, не выходящая из дому даже за хлебом, шла, вместе с другими, пешком.

О чем могла она думать, сидя у придорожного костра, летом сорок второго, километрах в 30-ти от Воронежа, среди таких же бездомных, под конвоем фашистов? Там, недалеко от Хохла, видел её Владимир Николаевич. Как закончилась бабушкина жизнь, никто из нас так и не узнал – упала где-нибудь на дороге мертвой, или пристрелили её, упавшую, фашисты...

Когда говорят, что надо простить прошлое, поставить памятники на могилах убитых немцев в той войне, мне становится и страшно, и противно. За-

быть и простить? Не могу. Не могу винить в прошлом тех, кто живет в послевоенное время. Я больше двадцати лет связана с людьми из восточной Германии совместной работой и отношусь к ним с искренней симпатией. Эти – не виноваты в прошлом. Пусть и те не все виноваты, они пришли против воли, может быть. Но они убивали, а это нельзя, ни забыть, ни простить. Не надо мстить, но нельзя и забывать, чтобы впредь неповадно было приходиться с войной на нашу землю. Памятники ставят победителям. Мы в своем нынешнем холуйстве перед Западом и преклонении перед долларами, забыли об этом, и это может плохо сказаться в будущем.

Джимка

О бабушкиной судьбе, наверное, мог бы рассказать наш пёсик – Джимка, он оставался с бабушкой в Воронеже.

Чистопородного щенка шпица подарили мне родители «в честь отличного окончания четвёртого класса». По тем временам – дорогой подарок. Помню, родители были в театре, я уже легла в постель. Услышала, как кто-то постучал и бабушка, открыв дверь, запричитала: «Не надо! Ради Бога, не надо!». Я, конечно, мигом вскочила и увидела в раскрытой ладони белое пушистое существо с чёрным носиком и глазами-пуговками. Он был настолько хорош, что даже бабушка оттаяла и не стала больше возражать.

Теперь эта порода почти не встречается, а – жаль! Шпицы – разновидность лаек, очень хороши. (Помните «Даму с собачкой» Чехова, у неё был шпиц). Небольшие по размерам, пушистые, с торчащими ушками и пушистым хвостом, лежащим на спине, привязчивые, умные. Но уж очень подвижные! Джимка, когда немного подрос, любил убежать со двора к другим собакам на улицу. За что и пострадал: там объявилась собака, которую признали бешеной. И все собаки, бегавшие около неё, подлежали уничтожению, хотя и не были покусаны. Представьте себе наш ужас, Джимке ещё не было и года.

Нам разрешили изолировать его от людей, посадив на цепь в сарае на карантинный срок – две недели. Бедный Джимка так любил волю, а оказался на цепи в тёмном сарае. И там, среди дров, угля, старого хлама, у него изменился характер. Он стал лаять на людей и, особенно, на машины. За время его заточения потихоньку от взрослых я пробиралась к нему, мы «разговаривали», я его гладила. И неудивительно, что после своего освобождения Джимка больше всего любил и слушался меня.

Осенью сорок первого года, когда часть жителей эвакуировалась, нам дали квартиру в центре города, на Студенческой улице, напротив дома «гармошки». Квартира с высокими потолками, большими окнами, выходящими из двух комнат на Студенческую улицу, а из одной – во двор. Двор небольшой, мощёный булыжником, без зелени и лишь с одним серебристым тополем, у нас под окном. Здесь Джимка оказался в комнатном уединении, чистенький, расчёсанный, часто с голубым бантом на ошейнике.

Во дворе тоже жил шпиц, неизвестных хозяев. Тот шпиц всегда грязный, со скомканной шерстью, одно слово – дворовый.

Когда мама с Олегом уходили из Воронежа, Джимка оставался с бабушкой. В апреле сорок третьего года маме (уже красноармейцу – писарю батальона) дали командировку в Воронеж, разузнать судьбы близких – у многих однополчан семьи оставались в городе.

Дом наш уцелел, в нём разместилась гостиница «Воронеж». На улице перед домом мама разговаривала с кем-то из знакомых. Вдруг со двора из ворот выскочил Джимка, и замер, глядя на маму, наострив уши – никогда не видел её в такой одежде. Мама, ещё не вполне узнавая, и сомневаясь, тихо сказала: «Джимка?». Как он бросился к ней! Сколько было восторга, радости обоюдной! Мама его не сразу узнала, – он стал похож на ту дворовую собаку – грязный, со сбившейся шерстью, весь в репьях...

Если бы он мог рассказать о прожитом времени – с июля по апрель – почти год! Где он был, когда фашисты выгоняли жителей и гнали их на Запад, в том числе и бабушку, а собак просто стреляли? Наверное, шёл за бабушкой, пока она была жива, прячась в траве. Где осталась бабушка, когда он вернулся домой?..

Понятно, оставлять собаку в Воронеже было невозможно. Кто-то дал зелёного мыла, пошла мама с Джимкой на речку. Шёл ледоход, но не оставлять же его в таком виде? Вымытый, расчёсанный, на поводке, Джимка вернулся с мамой в часть: всё, что осталось от прошлого. У женщины в армейской шинели никто не спросил о собаке, много собак в армии выполняли разные служебные обязанности. Конечно, никому не приходило в голову, что эта собака – просто друг. Да и ехали-то в теплушках, собака не мешала. Надо сказать, Джимка в то время был очень тихий и послушный.

Как он радовался, когда встретил папу и Олега! А через несколько дней мама пришла ко мне на КПП. Штаб батальона стоял в Липовце, наш пост километрах в трёх, в Теляжье. У меня нарывал палец, с высокой температурой я лежала в постели. Как бросился ко мне Джимка! Я, конечно, тоже очень обрадовалась, даже температура спала.

Пошли провожать маму через майский, цветущий ромашками луг, напрямик. Дошли до половины пути и расстались. Обе решили ничего Джимке не говорить, не звать с собой – пусть решит сам, хотя, конечно, оставаться ему надо было с мамой. Бедный пёсик никак не мог примириться с тем, что мы расстаёмся. Долго бегал от мамы ко мне, лаял, потом бежал к маме и тоже лаял. Но когда между нами стало большое расстояние, и он понял, что надо выбирать, то, примерно, посередине между нами, остановился. Посмотрел на маму, на меня, постоял немного, раздумывая, и побежал к маме. В Воронеже я была для него главной, но теперь мама стала надёжнее, ведь это она взяла его с собой.

Скромность Джимкина довольно быстро исчезла, улетучилась. Опять стал с лаем бегать за машинами, которых проезжало много. Кончилось это для него плохо. В начале сорок четвёртого один из водителей, как рассказывали, крутнул колесо и ударил им Джимку по носу – мгновенная смерть.

Квартиры и соседи. Наш двор

Мои родители росли в частных домах. У папы деревянный дом под Вологдой, в сельце Подлесное, мама росла на Венецкой улице, она действительно, шла венцом по высокому правобережью реки Воронеж.

Мама его показывала (мы ходили специально смотреть) в начале шестидесятых. Деревянный, небольшой квадратный дом за плотным забором. Сквозь щели мы рассматривали двор и сарайчик. В сарайчике мама со своей подругой Верой (она жила через дом напротив мамы) прятались во время гражданской войны «и от белых и от красных». В этом доме мама в 1923 году вышла замуж, а вскоре дом продали за три мешка муки (голодное было время). Помню, ещё перед войной мама иногда упрекала папу за то, что эту сделку не опротестовали через суд. Юрист им сказал, что если бы в течение трех лет они подали жалобу, сделку бы расторгли. Но прошло уже больше трех лет, поэтому сделать ничего нельзя. Но сделка «кабальная и незаконная» говорил юрист. Они опоздали совсем немного, за что папе и доставалось.

Не знаю, как они стали жить в государственной квартире на Детском Бугре. Квартира большая, трехкомнатная, лишились её из-за папиного отца. Я уже писала, что когда умерла бабушка, он позвал к себе папу, как старшего сына – одному жить трудно. Родители собрались, продали за бесценок мебель, оставили квартиру, приехали в Подлесное, а дедушкины планы изменились. Церковное начальство предложило ему стать архиереем. И он принял монашество, решил посвятить себя церкви. Одним в сельце, без работы, родителям делать было нечего, и вскоре они вернулись в Воронеж, только жить уже стало негде. Нашли однокомнатную квартиру, но надо было её достраивать. Что они и сделали.

Квартира на улице Пятницкой. В моё время она называлась улицей 27-го февраля (день начала февральской революции). А еще раньше она называлась Нееловской. Небольшая улица, идущая от реки к проспекту Революции. Основная её часть – гора, тогда мощёная булыжником, и только несколько домов наверху. В середине 30-х годов на углу улицы и проспекта, по обеим её сторонам, построили два больших дома – Дом Книги и Дом Связи, они уцелели во время войны, стоят и сейчас.

Наш дом номер 50 наверху, в «кармашке», с левой стороны от проспекта. На самом углу стоял деревянный, красивый – с мезонином, красного цвета, дом Птицетреста, он, как и наши дома, не уцелел. Наш дом, точнее, двор, в глубине, из нескольких одноэтажных домов – семнадцати или восемнадцати квартир. До революции это были службы, конюшни, квартиры прислуги и каменный дом какого-то богача.

Наша квартира над большим подвалом, в нем перегородками разделялись участки жителей двора. Квартира, как говорили, служила господской прачечной. Наверное, потому вечно сырая, холодная. Один угол зимой часто «украшал» сильный иней, доходивший до потолка. Летом сырость не просыхала, и жили в том углу безобидные насекомые – мокрушки. О тараканах тогда я не знала.

Комната большая, потолки и два окна – высокие. Бабушкина кровать и тумбочка стояли за деревянной перегородкой. К комнате примыкала высокая деревянная веранда, летом служившая кухней. Верхнюю часть так и не застеклили, вместо стёкол – фанера.

С противоположной стороны комнаты вторая дверь вела в маленькие сени, общие с семьей Рягузовых – матерью и двумя девочками постарше меня, – Лёлей и Валей. Бедная, полуграмотная семья, девочки хорошие, я иногда играла с ними. Но бабушка, когда я открывала к ним обычно закрытую дверь, ругала, чтобы не студить квартиру.

Дверь из веранды выходила в маленький палисадник с клумбой. У нашего окна росла вишня, совсем вплотную к стене. В другой стороне палисадника росли еще несколько вишен. С вишен мы усердно объедали камедь. Палисадник со всех сторон окружали стены, деревцам было темно, поэтому вишни даже не цвели. Помимо наших двух окон, в палисадник выходили с боковой стороны два окна, где жили Анна Степановна, богомольная старушка, о которой я уже говорила, и её дочь Евдокия. А также окно ещё одной семьи – матери и сына. Напротив наших окон – глухая стена.

За клумбой ухаживала мама, там росли вербена, настурции, астры, в центре – многолетние желтые петушки – лилейник, – их мало кто выращивает сейчас. Не только у нас росли цветы. Двор большой, зелёный, с огороженными палисадничками и «карманчиками» перед входом в некоторые квартиры.

Воду все брали из крана во дворе, от одной из квартир. В сильные морозы вода в трубе замерзала, и тогда её отогревали, сжигая бумагу, тряпки.

Туалет общий, разделённый на две половины, с надписью на дверях мелом: «М» и «Жен». Грязный, покачивались доски над зеленоватой зловонной лужей перед входом. За туалетом – мусорный ящик со всегда открытой крышкой, и кирпичная невысокая с нашей стороны стена – ограда городского сада. Сад назывался Студенческим. После войны его называли садом Строителей. (Сейчас там только здания и несколько уцелевших старых клёнов и вязов). Со стороны Проспекта Революции сад загоразживало здание бывшего до революции Дворянского собрания. Теперь это монтажный техникум. Напротив – улица имени Комиссаржевской.

В саду, за оградой нашего двора, там, где мусорный ящик, под овальным куполом играл оркестр, и можно было наблюдать за танцевальными парами на площадке. Звуки оркестра хорошо слышались у нас во дворе. Джаз тогда играл в каждом парке, их до войны было много в нашем городе.

Напротив квартир стоял ряд сараев, на их крыши мы частенько летом забирались с одеялами, чтобы смотреть фильмы. Они шли на открытой площадке в саду, и сверху были хорошо видны. Иногда мы перебирались и через забор в сад «зайцами». Ограда около летнего кинотеатра невысокая, из штакетника, и там всегда собиралось много зрителей. Изредка ходили и с родителями, по билетам. Обидным казалось возвращаться домой по проспекту, обходить, когда дом совсем рядом, через забор.

Двор был дружный, спокойный, только в одной квартире, там, где кран с водой, временами шли между собой «разборки», но, помнится, не очень шум-

ные и частые. Жили там муж и жена, бедные и, кажется, выпивающие, их плохо помню.

Ещё несколько квартир занимали немолодые, очень добрые сёстры – Лёля и Ляля, и Вячик – их брат. Лёля очень полная, малоподвижная. Помню её, лежащей на кресле-качалке в палисаднике или бредущей с палочкой по двору. Их мама – худенькая седая старушка чаще находилась в доме. Вячик, с которым они жили в одной квартире, любил охотиться и был, наверное, охотником удачливым. Однажды он подарил мне живого, здорового кобчика. Я с великой радостью прижала его к груди, за что он защелкнул у меня кусочек кожи с мясом, но хоть и было больно, я его не упустила. На следующий день мы с мамой поехали на Лысую гору в СХИ, и там его выпустили. Теперь Лысой горы давно нет, это район санатория имени М. Горького. После войны я встречала Вячика, он остался жив.

Ляля жила в доме напротив Вячика, к ней часто приходил Котик – мой ровесник, со своей мамой Надеждой Павловной. В памяти – Котик в Лялиной квартире хотел подарить фарфорового кролика с комода, и давал его мне в руки. А мне хоть и нравился кролик, и даже очень нравился, но понимала: брать чужую вещь нельзя, тем более, что она не Котика. В конце концов, мы этого кролика уронили и разбили, о чем я очень горевала, а Ляля утешала.

Для меня таинственной женщиной двора была Соня Решко. Она жила одна, в самой «господской» части дома – кирпичной, с выходом во двор через общие сени и со вторым выходом в сад. Самый большой участок сада, но тёмный из-за высоких деревьев – клёнов и вязов. Там даже трава росла плохо – мало света.

Соня – крупная, красивая женщина с чёрными прямыми бровями и волосами, короткой стрижкой. Всегда доброжелательна, улыбчива, ходила с поднятой головой.

Рядом с Соней жила семья из двух человек – мужа и жены, с квартирантом. Мужа она звала Ванера, он её – Люсиль. Мы, дети, переделали их в «Фанеру» и «Люсяву». Он работал, жена хозяйничала дома. Круглолицая блондинка, всегда мелко завитая, с множеством бантиков, и довольно манерная. Их квартирант Мишель, какой-то невзрачный, ходил, слегка ссутулившись. Редкие седоватые волосы перекрывали голову. Теперь так делают лысеющие мужчины, что выглядит, надо сказать, довольно смешно и нас очень потешало. Тогда это казалось редкостью, возможно потому, что без телевизора круг наблюдения был достаточно узким.

Мишель через некоторое время стал её мужем, а Ванера ушел жить в другое место. Конечно, соседи судачили о них, но беззлобно. После войны мы её встречали. Опустившаяся, выпивала, жила одна, где были её два мужа – не знаю.

Одна квартира теперь могла бы считаться знаменитой – в ней у театральной портнихи Пелагеи Осовской и ее внука Вадика, одно время жил знаменитый поэт Осип Мандельштам. Правда, тогда для нас это имя ни о чем не говорило, да вряд ли кто знал, что он там живет.

О том, что у них жил Мандельштам, я узнала сравнительно недавно, прочитав воспоминания, опубликованные в «Новом мире».

По описанию хорошо узнала и Вадю, и тетю Пашу, и большие тополя, один из которых рос наклонно, так, что на нем можно было сидеть, как на скамейке, что, мы, дети очень любили. Тополя запомнились ещё и потому, что на их стволах днём отдыхало много белых ночных бабочек – шелкопряда.

Война не пощадила и наш двор, и эти тополя. На месте квартиры Сони Решко (видимо, на остатках фундамента) в сорок шестом году, когда я проездом была в Воронеже, уже стоял дом профессора Боброва, а от остальных квартир ничего не осталось, не помню и тополей. На месте наших домов и сараев был пустырь. Только два молодых деревца вязов, росли рядом. Я узнала в них деревца, посаженные тетей Ганей около калитки нашей второй квартиры в этом дворе. Кажется, в шестидесятых годах на том месте построили многоквартирный дом для местной номенклатуры, за высоким кирпичным забором.

Театральная портниха тетя Паша, как мы её звали, уже не молодая, но и не старая женщина, думаю, лет около пятидесяти, с начинающими седеть светлыми, рыжеватыми волосами, всегда покрытыми белым платочком в мелкий горошек, завязанным сзади. Брови и короткие ресницы тоже светлые, продолговатое лицо в веснушках, с розовыми щёками. Голубовато–серые глаза небольшие, но добрые, не помню её раздражённой.

Её внук Вадик был бы теперь очень похож на Чубайса – такой же рыжеватый, веснушчатый, со слегка прищуренными глазами. В раннем детстве мы часто играли с Вадиком. До того, как в играх произошло разделение на девочек и мальчиков. У Мандельштама есть четверостишие о Ваде.

После войны, тогда проездом через Воронеж, я встретила тётю Пашу. Казалось, и не изменившуюся: такие же веснушки на моложавом лице, такой же светлый на голове платочек. Про Вадика сказала, что он погиб на фронте.

Тётя Паша иногда водила нас с Вадиком в Первомайский сад на генеральные репетиции и дневные оперные спектакли. Своей оперы до войны Воронеж не имел. Летом приезжала труппа из Свердловска. Особенно запомнился один спектакль, когда меня посадили в ложу, наверное, директорскую. Я была так мала, что стояла, чтобы видеть. Не раз потом слушала «Риголетто», но более сильного впечатления, чем тогда, не получала.

Бывала не раз и с папой на оперных спектаклях по вечерам. Родители любили оперу, но мама часто болела и я в этих случаях её заменяла.

Не помню, как случилось, что маму пригласили в Свердловскую оперу на большие роли. У неё, как говорили, был сильный и редкий голос – контральто. Пела она очень хорошо и любила петь. Дома часто у нас пели отрывки из оперетт, романсы, народные песни. Выступала мама и на вечерах у себя на работе. В то время праздники отмечали на работе концертами самодеятельности после торжественной части. Мама всегда очень волновалась на таких выступлениях.

Конечно, изменить уже сложившуюся жизнь, поменять на театральную сцену мама не решилась, тем более что и папа не захотел.

Рядом с Осовскими жили Котляровы. Муж, высокий, интересный мужчина, жена – добрая, широкая женщина с карими глазами, немного переваливающейся походкой и дочка Эмма, года на три моложе меня. Её широкое лицо похоже на материнское, а глаза – огромные, серовато-голубые, как у отца. Мы с ней часто играли у нас дома в «Царевну Несмеянну» из фильма «По щучьему велению», тогда он только что вышел. Надевали мамины платья, делали себе кокошники, используя ёлочные бусы. Тогда это было общее «поветрие». Дома мы разыгрывали целые спектакли. К нашему сожалению, только перед одним зрителем – моим братом, да и он частенько норовил удрать. Однажды, смотря на наши слёзы, заплакал. Мы кинулись к нему утешать, хотя и загордились своим «актерским мастерством».

Для меня самая главная семья во дворе – Гуровых: отец, мать, две дочери и сын. Младшая из дочерей – Ира – моя главная подруга во дворе, особенно в последние предвоенные годы. Мы с ней ходили в хор при кинотеатре «Пионер», но об этом – отдельно, позже. Дружба наша с Ирой началась очень рано, когда нам было еще лет по 6-7. По какому-то поводу после игры мы подрались, громко и горько заревели, иначе не скажешь. Услышала нас Аня, её старшая сестра. Вышла к нам с водой, полотенцем, умыла, вытерла, сказала, чтобы мы взяли за полотенце с двух сторон и сказали: «Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись, а если будешь драться, не буду с тобой играть». Аня сказала, что теперь мы должны никогда не ссориться и всегда дружить.

Сколько прошло лет, а живо в памяти так, будто было вчера! И, правда, с тех пор мы ни разу не поссорились, и только война разлучила. После войны, много лет спустя, виделись, когда Ира приезжала в Воронеж к сестре и рассказала о своей судьбе и судьбе близких. Живет в Москве, у неё два сына. Сейчас мы изредка перезваниваемся, тепло отношений сохранилось (фото 4).

Фото 4. Моя подруга детства Ира

Отец Иры – Федор Никанорович, пекарь на хлебозаводе, иногда приносил домой одну-две буханки хлеба, необыкновенно вкусного. Мама – Александра Тихоновна, не помню, работала ли. Старшая сестра Аня (мы тогда ее звали Ньюрой). В те годы, так называемые, «простолюдины» – крестьяне, рабочие, Анну в домашнем обиходе называли Ньюрой. Она закончила техникум и стала зубным врачом, уехала в район. Перед самой войной в районе вышла замуж. Помню, как во дворе обсуждали это событие. Он старше, хотя и немного, но, главное – разведён и работал в органах госбезопасности, что тоже вызывало некоторую тревогу. Опасались, удачен ли будет брак. Теперь особенно кажется примечательным, что обсуждали доброжелательно, даже в отсутствие «действующих лиц», в том числе и родителей.

О судьбе Иры и её родных говорю в другом месте, а здесь стоит сказать, что брак Ани был счастливым, они дружно прожили все эти годы в Воронеже. Мы с Аней иногда виделись, чаще общались по телефону. Теперь их уже нет в живых (2002 год).

С Ириным братом Володей у меня связано воспоминание.

Дома я никогда не слышала бранных слов, даже вполне цензурных. Не было и слов «сорных». Бабушка любила по этому поводу поговорку: «Напримерчика, теперчика, слово – *доведись*. Оно, хотя и не к чему, но потому что – конечно».

И вот однажды я привела родных в шоковое состояние, да ещё в присутствии кого-то из гостей. Мама вспоминала: «Сидели за столом, пили чай. (Тогда спиртное употребляли редко, тем более, если приходили днём). Галя пришла со двора надутая, и кто-то из гостей спрашивает: «Галочка, ты что такая невеселая? Тебя обидели?». «Обидели». «Чем же тебя обидели?». – «Жо – й». Все были потрясены и быстро переключили разговор».

А обидели так: Володя, мой ровесник, и еще такие же мальчишки – Лёва Прозоровский, Вадик Осовской, с какой-то шуткой-прибауткой говорят: «Хочешь посмотреть фотографию? Скажи – покажи фотографию».

Я сказала. В ответ Володя повернулся ко мне спиной, сдвинул помочи, приспустил штанишки, нагнулся и выставил голую попку.

Конечно, все они засмеялись, смеялись беззлобно, но я обиделась и пошла домой.

Трагически сложилась Володина судьба. В сорок втором ему было 16 лет, он шел в колонне с отцом, когда фашисты всех выгоняли из города. Его видели без одного глаза, у отца началась дизентерия, и он уговаривал Володю бежать. Тогда можно было спрятаться в высокой кукурузе. Но Володя не захотел оставить отца. Их дальнейшая судьба неизвестна.

А с Лёвой у нас было столкновение. Помню его, загорелого, всегда в больших черных трусах, грудь колесом, очень подвижного.

Вообще я была пай-девочка, но иногда что-то во мне бунтовало. Было мне в ту пору не больше шести лет. Мы играли во дворе, чем-то он нам мешал. И я «помахала» кулаками по его плечам, животу и быстро побежала домой. Не ожидая такого отпора, он опешил, и погнался за мной не сразу. Я успела добежать до спасительной двери, закрыть на крючок. Лёва напрасно колотил руками по двери и стёклам веранды. А я все-таки струхнула – он был очень зол.

Война Лёву пощадила, он стал юристом, как, помнится и его отец. Мы с ним встречались в семидесятые годы.

В нашем дворе взаимоотношения соседей как я уже сказала, были благожелательными. Возможно, такая атмосфера двора объяснялась тем, что несколько семей были в родственных отношениях, и они задавали тон. Это интеллигентные, люди из числа средне образованных, некоторые, пожалуй, из «бывших», но не высокого полёта.

Помню приветливые улыбки при встрече взрослых людей, взаимные приветствия. А с Комаровыми у нашей семьи сложились дружеские отношения. Глава семьи – Агафья Михайловна (мы, дети, звали её тётя Ганя) – круглолицая полная женщина с добрым, спокойным лицом.

Бабушка пользовалась хорошими отношениями, чтобы меня покормить. Она приносила тарелку с горячим к Агафье Михайловне, та звала меня к себе, усаживала за стол. Отказываться можно дома, в гостях нужно быть послушной, и я добросовестно всё съедала. Иногда тётя Ганя кормила меня и своим борщом. Это я уже различала, хотя, конечно, об этом не говорила. Её борщ наваристее и вкуснее, прозрачный, красного цвета, с золотыми блёстками – они были более обеспеченные люди.

Я не была любительницей покушать. Из домашней еды помню крутую манную кашу с киселём в тарелке, гречневую с молоком. И еще – крупную отварную картошку, на горячую половинку которой кладётся кусочек сливочного масла. Очень люблю и сейчас – квашеную капусту с картошкой и подсолнечным маслом – объедение!

С тётей Ганей связано ещё воспоминание.

Поздний вечер, лежу в постели, видимо, болею, и прошу принести курочку. Знаю, тетя Ганя подарила мне живую курицу – они водили кур. Хочу, чтобы курочка была со мной! Меня пытаются уговорить, что уже темно, ночь, курочка спит, все спят. Я не была капризным ребенком, но тогда стала плакать. И вот на грядушке моей кровати, в ногах, невозмутимо сидит и прячет голову под крыло большая рябая курица. Успокоенная, засыпаю. А утром говорят, что курочка пошла кушать и гулять.

У Агафьи Михайловны были четыре сына: Дмитрий, Аркадий, Михаил и Сергей, и две дочери – Валентина и Любовь.

Старший – Дмитрий. Он появился после объединения с Западной Белоруссией. Поговаривали, что во время гражданской войны служил в белой армии и остался там, женился, родился сын. После объединения жена Дмитрия, Анна, писала из Западной Белоруссии: «Сталин дал нам свет, дал нам радость...». Помню, взрослые переговаривались между собой несколько иронично, говоря и о разочарованиях.

Аркадий – крупный, полноватый и несколько сутулый мужчина, без резких движений и молчаливый, в то время как я помню, уже женатый. Его жена Лина – красивая женщина с хорошей причёской – от природы волнистые волосы. Году в тридцать шестом родилась у них дочка. Трагическая судьба сложилась у этих женщин, но об этом позже.

Миша мне, тогда еще совсем крохе (года четыре, может быть, лет пять) был очень симпатичен, это я помню, и взрослые позже посмеивались, я называла его «зених». Он умер от туберкулеза совсем молодым, простудившись где-то в горах на отдыхе.

Серёжа моложе всех, но когда началась война, он, как и Аркадий и Дмитрий, ушел на фронт. Дмитрий с фронта не вернулся, а Аркадий и Сергей

остались живы. Аркадий после войны остался там, где воевал – в Ленинграде, жил с новой семьей. Серёжа приехал в рыбхоз «Двуречье» к своей сестре Валентине, там женился, они переехали в Воронеж, родилась дочка Эмма. Но он приехал не совсем здоровым и через несколько лет умер, тоже от туберкулеза.

Валя перед войной после окончания техникума работала в рыбхозе «Нива» специалистом по разведению карпов. С нашей семьей её связывали особые отношения. Папин брат Алексей как я уже говорила, работал таксатором (лесостроителем). В те годы они обследовали наши леса, определяя запасы бересклета. В корнях этого кустарника содержится гуттаперча. Выяснялась возможность использования бересклета как естественного сырья для получения ценного в военном отношении продукта.

Это было в середине тридцатых годов, когда наша страна готовилась к отражению военного удара, а что он будет, никто не сомневался.

Алеша часто приезжал к нам, познакомился с Валею, она тогда еще училась, они полюбили друг друга. Алексей формально не был женат, но в Усмани жила женщина, близость с которой привела к ожиданию ребенка. По воспоминаниям моих родителей, он никак не мог решиться на выбор – сердце – в Воронеже, обязанность – в Усмани. Победило чувство долга. Лиза, его жена, довольно желчная, худощавая женщина, брюнетка с темным лицом. Их дочка Галочка, приятная девчущка, больше походила на Алексея. Мы с мамой несколько раз ездили к ним в Усмань и я запомнила подарок Лизы – маленькие куколки с красивыми фарфоровыми личиками. Алексей очень скоро погиб на фронте, а связь с Лизой и Галочкой во время войны потерялась (фото 5).

Валя через некоторое время после женитьбы Алексея вышла замуж за своего сокурсника, он был в неё давно влюблен – Александр Георгиевич Юдин. Они вместе стали работать в рыбхозе «Нива», это недалеко от ст. Касторная, в сторону Курска (фото 6).

Фото 5. Дядя Алёша с женой Лизой и дочкой Галочкой, 1940 г.

Фото 6. Валентина Ивановна с Александром Георгиевичем и дочкой Элей, 1940 г.

Дружба была с женской частью семьи Комаровых, особенно у мамы и Любы, хотя мама лет на десять старше. Объединяло их, как я теперь думаю, несколько романтическое отношение к жизни, жизнелюбие, несмотря ни на что.

Люба отличалась от сестры подвижностью, продолговатым овалом лица и особым очарованием. Я помню её замужней. Муж, Николай, в отличие от хрупкой Любы, крупный, плотно сложенный, мощный, но не толстый, красивый человек.

Валя уже жила в рыбхозе, а Люба с мужем, маленькой дочкой Валерией и матерью вместе с Аркадием, в доме, перестроенном из господских конюшен. Аркадий жил с семьёй в отдельной комнате, проходя через квартиру остальных. Квартира перегорожена на три, каждая имела окна. В проходной комнате два маленьких окна, а в отгороженных фанерной стенкой двух комнатках в противоположную сторону, по одному окну. Проходная комната-коридор заканчивалась маленькой тёмной кухней и сенями, летом служившими кухней.

Как я уже говорила, наша квартира была холодной и сырой, потому, когда Люба предложила поменяться, родители согласились: мама ждала появления моего брата. К тому же какую-то сумму они доплатили, а мы жили бедновато. Время стояло тяжелое – голодные годы. Когда появился брат (5 декабря 1932 года) продали не только несколько серебряных ложек: всё имевшееся богатство, но и золотые обручальные кольца родителей. Мама вспоминала, что ей было жаль своего кольца, но продать пришлось. Тогда работали магазины «Торгсина». Знакомые отговаривали маму рожать – не время, но она настояла: перед этим пять лет прошло в ожидании второго ребенка.

Любин муж занимал важный пост в строительной организации, кажется, главного инженера, и собирался провести в той квартире осушительные работы, утеплить.

Не помню, не успел он это сделать, или не получилось, но квартира после ремонта осталась холодной и сырой, хотя в меньшей степени, чем тогда у нас.

Наша новая квартира была, мягко говоря, тесноватой, к тому же одна комната – проходной. Потолки низкие, окна маленькие. Но зато – тёплая. Два окна проходной комнаты выходили в маленький палисадник с кустами сирени, а два окна из маленьких комнат – в сторону обрыва. Оттуда далеко виднелась не только часть Воронежа, но и гать, и левый берег, где по вечерам маленькими точками светились огоньки Придачи. Тогда это был небольшой посёлок с одноэтажными частными домами. Между Придачей и заводами ВОГРЭСа – большой пустырь. Все, кто к нам приходил по вечерам, любовались этой панорамой. От дома до обрыва метров 5-7, где мама тоже посадила цветы.

С этой квартирой у меня связано одно из ранних воспоминаний. Стою у окна и смотрю, как в плошке с комнатным цветком начинает расти травинка. Она особенно заметна мне, наверное, потому, что окна низкие и плошка почти на уровне моего лица – прямо перед глазами.

Часто подхожу, наблюдаю за ростом травинки, мне кажется это чудом. Кроме того, есть и другое, тогда неосознанное, ощущение: травинка, как и я –

растет, движется, она – живая. Как она растет?.. Это ощущение сопереживания осталось со мной на всю жизнь.

Так появилась, не осознанная в то время мечта – знать, как живёт растение

В этом считаю себя счастливой – удалось, хотя и не сразу, с помощью в первую очередь, родителей, а потом и многих других людей, изучать жизнь растений, пытаться управлять их ростом. Сельскохозяйственный техникум, университет, дипломная, кандидатская работы, научная тема, лекции. А теперь – дача.

И сейчас люблю наблюдать, как из семени, маленького отростка, растёт и становится взрослым живой, зелёный друг.

Растения – живые, хотя, конечно, не надо наделять их эмоциями людей. Человеческие эмоции – понятие добра и зла – обретение общества. Но у растений можно и нужно многому научиться, в том числе – Организации (с большой буквы), без чего невозможна Жизнь (тоже с большой буквы).

А сейчас мне доставляет радость рассказывать о том, как живет растение. И не просто рассказывать, писать книжки об этом.

Я любила бегать по обрыву, заросшему репейником и лебедой, играть там в путешествия с игрушками. Маленькие пещерки вмещали в себя резинового ослика, кукол, живших своей жизнью, без моего непосредственного участия (за исключением перемещения игрушек). Это не «дочки–матери» и подобные игры, это свой, игрушечный мир, в котором я была посторонним и как бы отсутствующим лицом.

Новая квартира мне очень нравилась. Жившие в той комнате Аркадий и его жена Лина были хоть и замкнуты, особенно он, но доброжелательны. Не помню случаев ссор и у них между собой. Тогда хорошо запомнила песни и Вадима Козина, и Изабеллы Юрьевой – Лина постоянно заводила эти пластинки. «Эх, Андрюша», «Когда простым и нежным взором...» и другие песни–романсы, добрые и приятные.

Но вернемся к Любе. В тот вечер мама с Любой собирались в театр. Билеты купили заранее и мама, одетая для театра, поджидала Любу, когда в сенях раздался её громкий возглас – то ли смех, то ли плач. Оказалось – рыдание: «Ох, Коля умер!». За день до этого Николая увезли в больницу с приступом аппендицита. Оказалось – гнойный аппендицит, гной разлился и спасти не удалось, тогда ещё не было пенициллина и других подобных лекарств. Коля – такой здоровяк, с румянцем во всю щёку – умер? Трудно было поверить в его такую глупую смерть.

На Любу это произвело очень сильное впечатление, и, видимо, потрясение вызвало болезнь легких. Слабость легких была наследственной чертой семьи Комаровых.

Помню, Люба, уже сильно похудевшая, приходила к нам, садилась на кресло-качалку, разговаривая с мамой. Несмотря на большую худобу, очень красива, особенно – глаза, иногда – фиолетовые.

Через несколько лет с ней познакомился и полюбил мужчина, перешёл к ним жить. Он не нравился Любиной матери по нескольким причинам. Во-первых, – приезжий и ещё не работал, говорил, что ожидает назначение. Следовательно, был «нахлебником», и тётя Ганя не верила в его искренность.

Во-вторых, а, возможно, это было и главным, – он ждал назначения для работы в НКВД. Нелюбовь к «серому зданию» объяснялась личными мотивами. Её мужа в половине тридцатых годов арестовали и либо сослали, либо расстреляли: до революции был жандармом. Очень смутно помню его фигуру, пожалуй, только из-за лошади. У него была лошадь и пролетка в сарае во дворе, работал извозчиком.

До войны несколько таких пролетов ожидали пассажиров около банка, напротив драмтеатра. Головы лошадей обращены к театру, а извозчики восседали на козлах. Тогда троллейбусов и автобусов не было, трамваев мало, всего 9 маршрутов. По этому поводу даже шутили. Если спрашивали, как добирались до места, говорили: «На одиннадцатом номере», то есть, на своих, на двоих, – ногах.

Помню, когда узнали, что он арестован, соседи потихоньку говорили: «Добрались всё-таки, нашли жандарма». Голоса соседей были тихими, скорее констатирующими событие, но с оттенком одобрения, не сочувствия.

Можно было понять тётю Ганю, хотя серьёзного отпора она не сделала, возможно, из-за болезни Любы. Вскоре этот человек получил назначение, видимо, на крупную должность, доставал самые дорогие лекарства, приглашал лучших докторов, возил Любу в Крымский санаторий, что по тем временам было событием. Но, к сожалению, лучше Любе не становилось, туберкулез уже в открытой форме, съедал на глазах.

Началась война, он ушел на фронт. Люба, совсем уже обессилившая и исхудавшая, была счастлива его любовью и надеялась на выздоровление, хотя близкие ожидали только дальнейшего угасания.

Судьба распорядилась иначе. Когда летом сорок второго началась интенсивная бомбежка Воронежа фашистами, в нашей бывшей квартире собрались Люба с тётей Ганей, Лина и её дочка. Бомба угодила в них, сидящих за столом, и провалилась вместе с ними в подвал. Как я уже говорила, квартира находилась над общественным подвалом. Бомба не разорвалась, но они все погибли.

Вызвали из рыбхоза Валю. Под почти непрерывной бомбежкой ей удалось подготовить их к захоронению. Но прошел слух (совершенно правильный), что немцы приближаются к рыбхозу. А там оставались одни две маленькие девочки – Любина Валерия и Валина – Эля. Александр Георгиевич – на фронте. Пришлось Вале оставить покойников и спешить к девочкам. Девочек она успела вывезти, но город заняли фашисты, и что стало с погибшими – неизвестно.

У Вали судьба сложилась благополучно, девочек она спасла и вырастила, мужа после ранения, ещё во время войны, из армии комиссовали, назначили директором рыбхоза «Двуречье» Моршанского района Тамбовской области.

Но чувство вины перед родными, не преданными земле, тяготило всю жизнь. Хотя выбора практически не было – жизнь детей всегда и должна быть на первом месте.

Теперь уже близки стали мама и Валя. Думаю, их особенно сблизило не произносимое чувство вины перед родными. – Валя не смогла похоронить, а мама не смогла взять с собой бабушку, и та тоже осталась где-то лежать без погребения (кто же хоронил умерших по дороге в плен)?

Валя и ее муж Александр Георгиевич Юдин сыграли большую роль в нашей жизни, очень помогли нам, но об этом – позже.

Во сне и наяву. Лошади

Сны... Интересно, влияет ли возраст на то, что нам снится?

Иногда бываю во сне в старом доме свекрови, где прожила 21 год. Снится не сам дом, а участок перед ним – посевы и посадки, и всегда плохо всё растёт. А в самое последнее время стал сниться двор моего детства, даже сарай, где лежало много старых журналов «Нива», особенно за 1912 год. (Тогда было странно смотреть на обилие реклам, сейчас это в порядке вещей). Наверное, чем старше, тем милее и памятнее детство.

Бывают сны, которые нам снятся не однажды. Одно время в детстве часто повторялся такой сон: я убегала от машины – полуторки. Машина без людей, без водителя, следовала за мной всюду, – по улице, по двору, по обрыву. За нашим домом и маленьким садиком, был обрыв, под ним шла улица Правая Суконовка. Машина не покидала меня даже в беготне по обрыву. Конечно, я её боялась и просыпалась оттого, что машина меня уже совсем догоняла. Но однажды, когда во сне быстрее машины оказалась наверху обрыва, а она ехала за мной по тропинке, я сверху прыгнула прямо в кузов и поехала на ней. Больше этот сон никогда не повторялся.

Можно ли видеть сны по заказу? Когда мы всей семьёй были в армии, но я с мамой ещё нелегально, с нами рядом жили эвакуированные – муж, жена и ребёнок. Муж – высокий, худой человек средних лет с длинным лицом, гривой почти полностью седых волос. Жена невысокая, круглолицая, с маленькими глазами, один из них слегка косил. Оба не просто худые, – измождённые. Он очень просил, чтобы его взяли в нашу часть, это могло дать аттестат для жены и ребенка, самому быть обеспеченному одеждой и питанием. Его взяли, чему все были рады. Я вспомнила его рассказы, как в германском плену в войну 1914 года они, пленные, много спали и заказывали себе путешествия во сне. Во сне он побывал в Африке, во многих других странах. Причем это были интересные, познавательные, цветные сны о тех местах, где он никогда не бывал, и, по его словам, никогда об этом не читал.

Я пробовала потом «заказать» себе сон, но получилось лишь однажды и не совсем то, что хотела. Во сне часто, еще и сейчас, езжу верхом на лошади. И бывают такие «правдоподобные» сны, так ясно это чувствую, как наяву. А на самом деле по-настоящему я ездила верхом только один раз. До этого в армии мне разрешили стоявшие рядом танкисты проехать верхом на их лошади не-

сколько сот метров. Но юбка узкая, я едва сидела в седле, ноги не доставали до стремян, и радости большой не получила. Много позже, в Брянской области, когда после окончания техникума в сорок седьмом году недолгое время работала заведующей подсобным хозяйством Военлеспромхоза, в моем распоряжении была лошадка-монголочка с двухколёсной тележкой. На этой лошадке только выигрывать призы: она не терпела идущий впереди себя транспорт, даже машину. Когда впереди что-то движется в одну с ней сторону, никакие вожжи не помогут, она берёт левее и мчится во весь опор. Лошадка с норовом, но не злая, просто очень самостоятельная.

Однажды я рискнула поехать на ней верхом, чего она не любила. Стремена оказались мне длинны, это, наверное, тоже сыграло роль. Дорога на полевой участок шла по лесу. Едва мы отъехали от домов, она спокойно свернула с дороги в лес, быстро побежала меж соснами, потом остановилась и наклонила голову. Я мягко спустилась перед ней на траву, а малышка стояла себе, как ни в чем не бывало, ждала.

И еще раз, когда работала в ботаническом саду университета. Мы дежурили по ночам, охраняли яблоки от непрошенных гостей. К нам заехали наши соседи из СХИ, они объезжали участки верхом на лошадях. Один из них остался с нашими сторожами, я поехала с другим товарищем, но опять ноги были короче стремян, попросить укоротить стремяна постеснялась, потому ехать было не так интересно.

А вот когда училась в сельскохозяйственном техникуме на Кубани, в станции Славянской, мне позволили проехать от полевого стана до огородного участка, и обратно. В седло вскочила легко (чего сама от себя не ожидала), стремяна были по мне, платье – клеш, и я поскакала, и не просто галопом, – налётом, с половину километра, по ровной грейдерной дороге. Это было такое наслаждение! Но на огородном участке, где проходила практику, старик, мой начальник, сказал, что если не умею ездить, могу натереть коню холку. Поэтому, когда ехала обратно, боялась за своего скакуна и радость уменьшилась. Но я ведь скакала!

Говорят, здесь сыграли роль гены: папа хорошо ездил на лошади, а там ещё мамыны родители – дед – грузинский князь, да и бабушка – кубанская казачка! Наверное, от них и большая любовь к лошадям. Всю жизнь очень люблю лошадей. Мама говорила, что мой первый рисунок – лошадь, и довольно красивый.

В армии, у папы одно время был конь, на нём он объезжал посты, заезжал и к нам. Как мне хотелось поездить! Но не могла себе позволить попросить, – другие мои подруги тоже ведь хотели бы, думаю, покататься. Но главное, – я в то время стояла на посту.

С лошадью в детстве связан интересный случай, – она спасла мне жизнь. Наш большой двор, как я уже говорила, за домами заканчивался обрывом, был обрыв и в Студенческом саду. С другой стороны нашей улицы строили школу (тогда номер 19, теперь это 37-я школа). Землю из-под фундамента на повозках

отвозили к обрыву Студенческого сада через наш двор. Грузёные повозки лошади везли шагом, а обратно часто – рысью.

Мы любили по этой дороге на нашем дворе играть в лошадки. Несколько пар с веревочками через плечи и подмышки (лошадиная упряжь) и кучером сзади. Я, конечно, была лошадьё. Увлеченные игрой, мы во время не заметили возвращавшиеся рысью повозки. А тут ещё один возчик решил обогнать другого. Когда увидела белую лошадь, бегущую на меня, побежала в сторону, но – упала. Дальше помню, как рассказывали маме соседки, сидевшие на лавочке. Всё происходило у них на глазах и так быстро, что они не успели вмешаться.

А произошло вот что: лошадь не наступила на меня, копытом отбросила в сторону. Если бы не лошадь, колёса повозки проехали бы прямо по моему животу.

Помню, поднялась, окружённая соседками, мне не было больно. Лошади уже проехали. Когда мама пришла с работы, всё рассматривала меня, искала синяки, но их не было, и нигде не болело.

После этого случая все повозки, с землёй, или пустые, ехали через наш двор только шагом. А я стала приставать к маме, чтобы меня устроили работать возчиком. Однажды она пообещала, не выдержав моего давления, об этом узнать. Ох, с каким нетерпением я ждала её возвращения с работы! Она уже, конечно, забыла, и когда я кинулась к ней с вопросом: «Разрешили?», не сразу поняла, о чём разговор. Потом сказала, нет, не разрешили, надо сначала подрасти. Тогда я в школу ещё не ходила, значит, мне было не больше семи лет.

В это время, да и позже, даже когда училась в школе (в младших классах), представляла себя лошадьё. Если посылали в магазин, с удовольствием бежала, подскакивая, как лошадка. Про меня говорили, что никогда не хожу шагом – всегда только бегом. Но ведь я в это время для себя была хорошим скакуном, мне очень нравилось чувствовать себя лошадьё.

Брат

До 1972 года, когда образовали «море», текла река Воронеж, приток Дона. Около города река не широкая, не глубокая, во многих местах её переходили вброд. Несмотря на это, в купальный сезон бывало много утонувших. Говорили, кое-где людей затягивало в ямы с водоворотом, выбраться из них не у каждого хватало сил. На другой стороне реки берег пологий, песчаный – для купания замечательные места, чем горожане активно и пользовались. А дальше, по широкой пойме, на заливном лугу весной цвели коричневые колокольчики – рябчики. Охапками их забирали домой горожане.

Ходили по лугу и два стада коров. Временами располагались цыгане со своими шатрами, лошадьми. Табор небольшой, но внимание привлекал, ходили к ним смотреть на цыганский быт, к гадалкам.

Однажды (летом 1932 года), женщины нашего двора пошли к цыганкам погадать, уговорили пойти и маму. Мама ждала ребенка, опять долгожданного: со времени моего рождения прошло больше пяти лет. Я не помню, ходила ли с ними, скорее всего – нет, детей старались держать от цыган подальше, чтобы «не украли». Но хорошо помню рассказы, их было много. Цыганка уговорила

маму ей погадать и сказала, что будет мальчик (мальчика и хотелось). Что ещё сказала цыганка, не помню, только у мамы была с собой крупная купюра, цыганка пообещала дать сдачу и, конечно, обманула, заговорила, потом исчезла куда-то. Маме гадание обошлось довольно дорого по тем временам. Но, действительно, 5 декабря 1932 года родился сын, очень похожий на маму (я похожа на папу, только глаза тёмные). Мы похожи на родителей и по душевному складу: я на папу, а Олег – на маму.

Но Олег был похож и на цыган: очень чёрный, чернее мамы. Поэтому посмеивались – цыгане не только нагадали, но и повлияли на ребенка, очень уж на цыганёнка похож.

В первые же дни появления Олега в доме, произошло событие. Для него купили коляску – высокую, на рессорах, голубую снаружи и белую внутри, с крытым верхом, он мог и опускаться. Мне она очень понравилась, особенно беленькая в коляске подушечка. Хорошо помню, как улучила момент, чтобы никто не видел, забралась внутрь, притаилась и... уснула.

Рассказывали потом, какого переполоха я наделала, как долго меня искали во дворе, у всех знакомых, и лишь случайно заглянули в коляску. А я себе спокойно в ней спала и не ведала о том отчаянии, в которое привела родителей и бабушку.

Не помню моих особенных эмоций по поводу появления брата. Ухаживать за ним мне не давали, да, видимо, и я не проявляла особого желания. Может, потому и не было во мне привязанности к маленькому братику. Но ревности тоже не было, никогда.

Одно время была досада на взрослых, но это когда он стал старше – лет с четырех, пяти. Он был очень подвижный и всегда меня поддразнивал. Между нами шесть лет разницы, но я этого не ощущала. Меня обижали его дразнилки и я могла отшлепать. За что попадало всегда мне: «Ты же старшая, он маленький!». А маленький и пользовался этим во всю (фото 7).

**Фото 7. Я с братом Олегом,
1934 г.**

(Я хорошо это запомнила и старалась не делать скидок на возраст, когда росли мои дети и внуки.)

Однажды я его едва не убила. Иногда это бывает во мне, – сильная вспыльчивость, если «доведут». Вот как-то раз он меня дразнил-дразнил, и я схватила с папиного письменного стола первое, что попало под руку. А под руку попала стоявшая на столе подставка для карманных часов – старинная вещь: лошадиное копыто с подковой внизу и медной рамкой для часов. Очень тяжёлая штука. Я её схватила и запустила в Олега. Но в последнюю секунду во мне что-то сработало, и я бросила копыто далеко от его головы. Если бы не это, он бы погиб. На некоторое время Алик притих, видимо, понял, что всему есть предел. Потом пошло всё по-старому.

Может потому, что скоро Новый год, вспомнилась одна домашняя ёлка. Точнее – сосна, ёлок в наших местах бывает мало, да они и стоят не долго, быстро осыпаются. Так вот, стояла такая ёлка–сосна, увешанная, как тогда было принято, не только игрушками, но и орехами, пряниками, и – конфетами. Их съедали, когда разбирали елку, снимали украшения.

В тот год необычно для меня, – очень, ну – очень! – хотелось конфет, ничего не могла с собой поделаться. А лет мне было уже немало, – думаю, лет десять! И я потихоньку разворачивала бумажку, вынимала конфету, а бумажка – фантик оставалась висеть. Ёлка стояла долго, как всегда, недели две. И так одна за другой, в разные дни, содержимого конфетных обёрток становилось всё меньше, а пустых бумажек – всё больше.

Когда пришло время разбирать ёлку, остались одни бумажки. «Галя, ты брала конфеты?». – «Нет», – соврала я. Стыдно было признаться, но стыдно было и врать. «Алик, ты брал конфеты?». Алик был потрясен: конфет, на которые он рассчитывал, оказывается, нет, к тому же его обвиняют в том, чего он не делал.

Все поняли, что это моя вина, но не помню, чтобы меня ругали. А вот чувство стыда и в то время, когда вынимала конфету и потом, когда всё раскрылось, запомнилось очень хорошо.

За провинность нас никогда не ругали. Со мной был однажды такой случай. В комнате родителей стоял комод, на нем безделушки фарфоровые, с которыми я любила играть: маленький верблюд, красивые, старинные вазочки. В тот раз стоял ещё маленький флакончик дорогих в то время духов. Папа подарил их маме, за что она еще его поругала: жили трудновато. Я нечаянно задела флакончик, он упал на бок, и почти половина духов вылилась. В отчаянии пытаюсь исправить положение, доливаю водой, и во флакончике появляется муть, духи испорчены.

Мама, конечно, сразу увидела, очень огорчилась. И лучше бы она меня поругала!

Когда вспоминаешь родителей, тех, кто нас окружал, начинаешь лучше понимать, сколько было заложено в нас близкими, а с другой стороны, сколько зависело от случайного окружения, от тех, кто рядом. В последнем случае особенно это сказало на мне и моем брате. Только так получилось, что я сталкивалась с добрыми, умными и снисходительными людьми, а у него окружение было иное. И всё сложилось трагически, хотя по своим внутренним данным это был прекрасный человек – чистый, добрый, умный и красивый (фото 8).

Фото 8. Мама с Олегом, 1953 г.

Я сблизилась с ним как раз

после его злоключений. Мы о многом разговаривали, многое воспринимали одинаково. Он, как это ни странно, внутренне мало изменился, не озлобился, не стал пошляком, циником. Некоторое время жил у нас. Пытался создать новую семью, но не получилось – был однолюбом. Через некоторое время они с Милой помирились.

Летом часто ходили в лес за грибами. Олег – заядлый грибник, хорошо в них разбирался, знал грибные места, и как только начинался грибной сезон, вдвоем или он один, отправлялись далеко, на электричках, потом ещё долго пешком, за много километров. Собирали столько грибов, что не умещались в ванне. Часть грибов оставляли себе, а в основном, мариновали и продавали маринованными, это был неплохой доход.

Последние годы Олег уже не мог много ходить, болели ноги, зарабатывал тем, что плёл рыбацкие сети. В 1996 году Олег умер, умер скоропостижно, сидя за столом. К сожалению, я не могла поехать на похороны, лежала со сломанной ногой.

Так прошла его жизнь, в которой не использованы возможности, данные от природы. Воспоминания о брате было очень трудно писать, очень больно.

Ещё о родителях

На тех кратких страницах о моих родителях в начале воспоминаний, очень многого нет, и не рассказать об этом считаю невозможным. Они были незаурядные люди. Не по положению, здесь – вполне обычные, а по душевному складу, восприятию жизни, эмоциональному настрою, отношению к людям, делу, природе. Как проходила их жизнь?

Семейная жизнь родителей складывалась не во всём просто. Мама иногда подшучивала: «При регистрации я записана вторым браком, папа – первым, а на самом деле...».

А на самом деле было так. В юности мама была не очень серьёзна, точнее – обладала определённым легкомыслием. И когда ей исполнилось 18 лет, на том, чтобы вышла замуж, стал настаивать один из её знакомых, из купеческой семьи среднего достатка – Ванечка, фамилию не помню. Родители не возражали, мама не соглашалась. В качестве последнего аргумента он сказал: «Ну, послушай! Давай только зарегистрируем брак – сходим в ЗАГС, распишемся!». В этом мама была не против. Сходили они, расписались, а вечером пошли на всю ночь бродить по городу, обходить церкви. По поверью, чтобы брак был счастливым, нужно за ночь обойти 12 церквей. Ходили они, ходили, а когда на другой день стали подсчитывать, оказалось, обошли не 12, а 13 церквей – чёртову дюжину.

Ну, в какой мере это повлияло на развитие отношений, сказать трудно, конечно, ни в какой, просто он нравился маме, но она не любила. (Мама показывала его мне уже после войны, случайно. Он шел по другой стороне улицы и нас не видел – круглое лицо с мелкими чертами, бесцветное, невыразительное, движения торопливые и неуверенные, низкий рост. Он и в пятьдесят с лишним лет, выглядел *Ванечкой*).

Однажды они поссорились, и он сказал ей что-то вроде: «Ты же моя жена, мы расписаны». «Ах, вот как! Это легко исправить – сейчас же пойду, разведусь!». Так бесславно закончился мамин первый брак, фактически не начавшись.

А позже, когда она работала в ЧОНе, к ним приехал в длительную командировку из Москвы адъютант главнокомандующего – папа. Высокий, интересный, постарше мамы: ей 19 лет, ему 28. Да к тому же трижды был ранен. Словом, мама, с её мечтательностью и романтичностью, влюбилась – не могла не влюбиться. Не оставил её своим вниманием и папа.

Только ещё до знакомства с мамой, он познакомился с молодой женщиной, старше мамы года на четыре. Мама худенькая, а та с уже сложившейся полноватой фигурой. Если не идеал, то, во всяком случае, – достойный носитель женственности и женского обаяния. Она тоже в папу влюблена. И бедный папа попал к двум влюбленным в «переплет».

Сколько-то времени он, видимо, не мог решиться на объяснения, помогла мама. Однажды были они в гостях у общих знакомых. Стоял апрель, ломался лёд на реке – река рядом. И как-то получилось, что мама и эта женщина (Анастасия Илларионовна) оказались на тёмной веранде вдвоем и внешне спокойно обсуждали животрепещущую для них тему: кого же любит Сергей Апполосович. Анастасия Илларионовна заявила: «Он говорит, что меня любит». Мама в ответ: «И мне говорит, что любит. А давайте спросим его самого, пусть скажет нам, кого он любит». Она выглянула в комнату: «Сергей Апполосович, можно вас на минутку?». И когда он вошел: «Сергей Апполосович, вы говорите, что нас любите. Кого вы любите на самом деле?».

(Мама потом вспоминала, зря она так рисковала. Но это в её характере: неопределенность хуже всего).

В темноте веранды поблёскивал огонек от папиросы. «Раньше я любил Анастасию Илларионовну. А теперь...». Анастасия илларионовна вскрикнула и бросилась из комнаты. Мама сказала: «А теперь бегите скорее, а то она ещё в реку бросится». Папа нагнулся к маме, поцеловал, сказав: «Вот человек!». И ушёл вслед за Анастасией Илларионовной. Мама прождала всю ночь, но он не вернулся.

Мне кажется, я вижу папу, бегу с ним вслед за женщиной. Он возбуждён, счастлив, и вместе с тем, виноват. Рядом шумит река с ломающимися льдинами – идёт ледоход. На душе также, как и на воде...

Догоняет, она бросается к нему, обнимает, что-то оба говорят. Он просит прощения, она – соглашается, но просит зайти к ней: «На прощание».

Перед женским обаянием не всякий мужчина и не всегда может устоять, в этом мужская сущность, природа. К тому же здесь столько навечно психологии!.. Как было на самом деле, никто, кроме их двоих не знает, разговоров об этом не было. Только в январе появилась на свет девочка, она назвала её Любой. В это время папа уже был женат, с мая жил у мамы, и, казалось, всё было хорошо. Но на суде папу признали отцом и присудили алименты, которые он выплачивал все годы. А когда кончался срок, началась война.

Анастасия Илларионовна отчаянно боролась за папу, пыталась вернуть, писала письма его родителям. Всё было напрасно, но только после моего рождения поняла, что проиграла.

Папе нелегко было в это время. Как-то, когда я уже была замужем, и начались мои семейные осложнения, мы с папой говорили о жизни. И он (единственный раз) сказал, что одно время подумывал о том, чтобы уехать «куда глаза глядят». Умер дедушка – мамин отец, я еще не родилась. У бабушки был трудный характер, частые истерики по пустякам. К тому же папу она недолюбливала – бедный, с маленькой зарплатой (он ведь демобилизовался). Я думаю, играла большую роль и ревность – мама его очень любила, а далеко не все родители смиряются с тем, что любовь их детей теперь относится и к другому человеку. Мама, хоть и любила папу, но уравновешенностью характера не обладала: могла быть несколько капризной, требовала внимания по мелочам.

Папа мне и говорит: «Так стало тошно, уехать куда-нибудь ото всех подальше! Но подумал: кому они будут нужны? Бабушка без средств, без образования специального. Мама – тоже, к тому же больная... Нельзя их бросать».

Думаю, папа рассказал об этом не зря, хотел показать, что в семейной жизни, особенно в её начале, периоде «притирки», есть свои сложности и это надо учитывать.

Теперь, уже с высоты своей прожитой жизни, могу сказать, что у них была настоящая любящая семейная пара. Хотела сказать – идеальная, но, пожалуй, это не совсем так. Один раз дело дошло до разговоров о разводе. Мама была влюбчива и могла пококетничать, хотя до сколько-нибудь серьёзных отношений не доходило – не в её характере. Все кончалось кокетливыми взглядами: ей было приятно нравиться. Но однажды в маму влюбился командированный из Москвы всерьёз, и хотел, чтобы мама с ним уехала. Папа узнал об этом и захотел развода. Но мама-то уезжать не собиралась!

Помню, я, умываясь, весело напевала какую-то песенку, а бабушка мне говорит: «Вот ты поёшь, веселишься, а родители собираются развестись!» – «Никогда они не разведутся, ничего не будет!». Так и получилось.

Но если мама иногда позволяла себе кокетство, то папа – никогда, и более преданного человека семье найти было бы трудно.

А то мамино увлечение имело продолжение. Во второй половине 1964 года пришли к нам в гости старинные знакомые. Одного я знала, а другой оказался тем самым влюбленным. Он приехал из Москвы и уговорил этого их общего знакомого побывать у нас, проведать маму. Вспоминали молодость. Он маму не забыл и сохранил о ней самые тёплые и уважительные воспоминания. Оставил адрес, через некоторое время прислал маме большое письмо. Когда маме стало плохо, я написала ему, получила в ответ письмо с благодарностью за понимание. В этом же конверте было письмо и маме, только её уже не стало. Мама умерла 22 января 1965 года. А первое письмо, когда маме стало совсем плохо, она сожгла.

В повседневной жизни характер у мамы был не всегда ровный, она могла папу «подъедать» по пустякам. Но примечательно: когда наступили действительно серьёзные испытания, и у них от голода опухали ноги, мама была осо-

бенно заботлива, нежна. Дома у нас все старались съесть поменьше, чтобы больше досталось другому. Доходило до того, что оставленное, начинало портиться. Конечно, в основном, родители заботились о нас, детях, но и друг о друге – тоже.

Мама проявила себя ещё во время войны. Передо мною фотография родителей. Июль сорок первого. Папа в гимнастерке с тремя кубиками старшего лейтенанта на петлицах, портупеей через правое плечо, в пилотке. Он слегка наклонился к маме: она, видимо, сидит. На

Фото 9. Мама с папой перед отправлением на фронт, 1941 г.

ней выходное, красное с белыми крапинками, маркизетовое платье (хорошо помню, как она его шила), на голове крепдешинный платочек, по моде того времени повязанный в виде шапочки. Лица сосредоточенные, на первый взгляд мало о чём говорящие. Но если всмотреться, можно увидеть очень много: снимок на память перед отправлением на фронт (фото 9).

На следующий год при малейшей возможности мама постаралась с папой не расставаться, взяла и нас с собой. Но об этом позже, в свое время.

Как-то получается, что чаще вспоминаю события, связанные с мамой, хотя всегда была ближе к папе, даже в детстве.

Помню, как негодовала на Онегина за то, что он не ответил на чувство Татьяны! Примечательно, что высказала это негодование не маме, а папе. Какими словами он разговаривал со мной, не помню, только мне стало понятно, что любовь – чувство, заслуживающее уважение, оно не подвластно разуму и сознательно человек не может им управлять. Управлять можно поступками. С папой мы разговаривали о серьёзных вещах.

Благодаря папе я познакомилась впервые с основами диалектического материализма. Правда, началось это, можно сказать, случайно. До войны, как и позже, проводили политучебу работников, изучали историю партии. Мама, в отличие от папы, этим не занималась. По поводу положения дел в стране у родителей часто не бывало единой точки зрения, хотя и ссор не возникало, даже размолвок.

Мама многое критиковала в происходящем, папа был более высокого интеллекта, он шире видел. Говоря иными словами, мама как бы «смотрела» (воспринимая происходящее непосредственно, по бытовому), а папа не только смотрел, но и – «видел». Видел, ради чего происходят некоторые события. Он умел выделить главное, понимал, что при происходящем неизбежны частные ошибки и потери. «Лес рубят – щепки летят», с грустью поговаривал он.

Он не случайно вступил в партию, причем в 1942 году, в то, ещё не переломное время, когда у некоторых были сомнения (а кое у кого, возможно, и желание) в исходе войны. Раньше он этого сделать не мог: из-за деда его бы не приняли.

Так вот, однажды папа оставил книгу по истории партии раскрытой на четвертой главе: «О диалектическом и историческом материализме». Я стала её читать на раскрытой странице. Мне тогда было лет 12, не больше, но прочитанным увлеклась. Для меня открылся целый мир – интересный, понятный и, главное, позволяющий следить за тем, что окружает, по-иному оценивать поступки и явления. Раздел о диалектическом материализме я читала не раз и сопоставляла с происходящими событиями, повседневной жизнью. Об этом мы разговаривали с папой. «Причина и следствие», «Закономерность и случайность», «Форма и содержание» и другие законы и категории диалектического материализма меня очень увлекли и помогли в дальнейшем, в том числе и в научной работе. Правда, увлекаясь «содержанием», я занижала в своем представлении значение «формы».

Раздел об историческом материализме меня в то время не вдохновил, показался неинтересным. Много позже оценила его важность для понимания происходящего в мире. Сейчас особенно вижу его значимость в объяснении того, что произошло и происходит сейчас в мире, и с нашей страной. Многое закономерно, но нужна была мудрость руководителей, их ум, знания, чтобы самим изменять многое в нужную сторону. К сожалению, говоря о вреде догм, наше руководство поступало как раз догматически, не применяя законы и категории диалектического материализма, особенно там, где говорится о значении в развитии борьбы противоположностей и переходе количества в качество.

У нас очень часто жила мамина подруга детства, они росли рядом, в соседних домах, – Вера Леонидовна Галкина. Жизнь у нее сложилась как-то нелепо, она не имела собственной квартиры, вышла замуж, но жили они почти всё время врозь и вскоре разошлись. В детстве училась неважно, поэтому – в частной, платной гимназии, которую, кажется, не кончила (фото 10).

Думаю, при нашей тесноте присутствие Веры, мягко говоря, было не

Фото 10. Вера Леонидовна Галкина – мамина подруга с детства, 1953 г.

совсем желательным, но папа никогда этого не высказывал, понимая, что ей негде жить. И вообще относился к ней доброжелательно, она была как член нашей семьи. Но однажды папа на неё очень рассердился. Второго июля 1942 года мама с братом уходила из Воронежа за мной, в Эртильский район, где я была со школой на прополке свеклы. Вера тоже пошла с мамой, как она говорила, помочь: мама только что выписалась из больницы, где лечила язву желудка и 12-типерстной кишки.

А когда через несколько дней Воронеж взяли фашисты, мама встретилась со мной, Вера сказала: «Ну, ладно, теперь ты дальше сама, а я поеду в Среднюю Азию».

Папа не понимал, как она могла оставить нездоровую маму с двумя детьми, и говорил, что никогда этого не забудет, никогда ей это не простит. Но прошло время, и когда в сорок восьмом году вернулись в Воронеж, папа получил квартиру, Вера опять часто жила у нас, а после папиной смерти перешла жить совсем. Только после смерти мамы она уехала в Севастополь к племяннице, там и умерла.

Добрый и сильный папа был человек. В сорок четвертом году его ранило. Ранение сложное: пуля вошла в ладонь правой руки и вышла, раздробив кость около локтя. Руку тогда не отняли, считали его безнадежным. Но, к счастью, он выжил. Когда приехал из госпиталя, правая рука в локте не сгибалась, вообще не работала, писал левой рукой. И начал разрабатывать руку, несмотря на сильную боль. Сначала заставлял руку подниматься, хотя бы на уровень плеч. Потом заставил её писать, и, в конце концов, даже ел правой рукой (фото 11).

Фото 11. Я с папой, 1950 г.

На последней работе в Облпотребсоюзе у него не сложились отношения с начальницей – Ароновой, – он не признавал подтасовок, искажения в работе. Ушёл на пенсию, и очень скоро умер – инсульт. Я с детьми жила в это время у мужа в Кировской области. Сначала папа около трех недель лежал дома, и его уже собирались выписывать на работу. Он написал мне письмо, что болел и потому долго не писал, теперь выздоровел, и могу за него не беспокоиться.

Помню, мы были в кино, смотрели весёлую картину «Багдадский вор». Годовалая Наташа сидела у меня на коленях, мы смеялись. И вдруг как что-то кольнуло, – стало очень тревожно, не поняла почему. А на другой день получаю телеграмму: «Папе очень плохо». Я побежала на почту давать телеграмму, что приеду, и вдруг почувствовала, что папы не стало. В чем-то винила себя – смирилась с тем, что он умрет.

Мама говорила, когда случился второй удар, он попросил: «Вызови Галю». Она испугалась – «Тебе так плохо?». И он сказал: «Нет, не надо, не зови, не нужно». Когда позже Мила (жена Олега) сидела около, он проговорил ей (петь уже не мог) слова романса «Не пылит дорога, не дрожат листья, подожди немного, отдохнешь и ты...». Перед самой смертью взял мамину руку, (она сидела рядом), поднес к губам, а поцеловать не смог. Это было 23 августа 1956 года.

Я приехала 26-го – дорога длинная. Гроб стоял в морге. По моей просьбе крышку гроба приоткрыли и закрыли вновь – без неё уже нельзя.

Лет десять назад получила от нашего однополчанина письмо из Москвы. Он пишет: «Я часто вспоминаю нашу службу во время войны. Особенно вспоминаю твоего отца. Мы служили вместе, только он был зам. начальника штаба по боевой подготовке, моя роль была служба регулирования и ежедневная информация о том, что все автоколонны, которые доставляли на передний край или на ДОП – оружие и боеприпасы, были целы. Отец-то был опытный офицер, ещё из старой армии, поэтому он передавал свой опыт, и я ему был всегда благодарен за эти знания».

Шли годы. Люба (её все звали – Люся) окончила Бауманское высшее училище, осталась работать под Москвой в Балашихе.

Анастасия Илларионовна выходила замуж, родила дочку Рузанну, та окончила Воронежский университет и работала на геологическом факультете. Она обо мне знала, а я о ней – нет. Когда умер папа, мама через общую знакомую передала Анастасии Илларионовне время его похорон. Говорят, она бросила в папину могилу цветы. Потом у неё умер муж – Шварц – худой, длинный, не знаю его национальности. Я его помню и особенно – собачку, что-то типа японской левретки, с выдающейся вперёд нижней челюстью. Мы в сорок девятом-пятидесятом годах жили очень близко друг от друга – за углом по улице Средне-Московской и Никитинской.

После того как в шестьдесят пятом году умерла мама, меня уговорили познакомиться с Анастасией Илларионовной и своей сводной сестрой. И тут я убедилась, что она любила папу всю жизнь. Когда она пришла ко мне, и я показала финиковую пальму, выращенную папой из косточки, как выразительна была её спина, около пальмы! И ещё – тронуло отношение ко мне. Ведь всё могло быть по-другому, Но здесь было любовное, внимательное отношение. Понимаю, что я для неё – частица папы.

Она много сделала и для наших отношений с Люсей. Правда, здесь сработало и другое – мы сразу почувствовали родство. Росли врозь, а сблизились. Причем, Люся говорила, что мы понимаем друг друга лучше, чем она с Рузанной, хотя они росли вместе. Люся внешне похожа на папу больше, чем я. Глаза у нас обеих посажены немного глубоко, но у меня они карие, а у нее, как у папы – зеленоватые. И она светлее меня.

Когда Анастасия Илларионовна жила в Воронеже с Рузанной, я приходила к ним и познакомилась, но родственных отношений не получилось, нет ду-

шевной близости. Рузанна выходила замуж за писателя Пешкова, но вскоре они разошлись. Потом он умер. У меня есть его маленькая, очень приятная книжка – исследование о пребывании Лермонтова в Тамбовских краях: «Страницы прошлого читаю...». Его я никогда не видела, а дочку Любочку, видела, когда бывала у них. Хорошенькая чёрненькая девочка, ещё в раннем детстве проявила талант закройщицы, портнихи, модельера. Когда выросла, самостоятельно поступила учиться в соответствующий престижный ВУЗ Москвы, закончила его и стала художником – дизайнером тканей. Сейчас живет в Москве, в декабре 1999 года ее сыну Диме исполнилось 13 лет. Они часто бывают у Любы. К сожалению, в последние годы я не бываю в Москве – нет ни сил, ни денег. А в 70-80 годы бывала там три-четыре раза в год и непременно заезжала к ним, когда ещё была жива Анастасия Илларионовна, да и позже, когда её уже не стало. Потом только изредка переписывались, да я позванивала в праздничные дни. (Рузанна осенью 2002 года умерла. А Люба умерла в больнице в феврале 2005 года).

Мне нравилась у них какая-то особенная чистота, которую всегда ценила. Обе прекрасные хозяйки, кулинарки, чего мне явно недостает, как недоставало и моей маме.

Анастасия Илларионовна рассказывала о своей молодости, родителях. Её жизнь очень интересна и жаль, что я не записала в своё время. Отец – грузинский еврей, интересная личность. А она уже в молодости член партии, побывала в плену у Мамонтова, ей много пришлось пережить. Позже довольно ответственный работник, материально жила после войны неплохо.

Я иногда задумывалась, был бы папа счастлив, если бы жил с ней? Безусловно, он был бы несравненно более обихожен в бытовом отношении: вкусно и во время накормлен, вычищен, дома всегда доброжелательный, ровный климат. Мама же часто болела, больше требовалось забот и ответственности по дому. Еда не всегда бывала такой вкусной, материально жили трудновато. Мама иногда могла немного «пилить» папу.

И всё же, всё же... Что-то же их объединяло в счастливую семью, а что она была такой, я знаю, – дети это очень хорошо ощущают. Так что же?

Для обоих было характерным уважение к другим людям. Как и папа, мама была бескорыстным человеком. Об этом можно судить, в частности, по некоторым событиям. Так, когда она ещё служила в ЧОНе, в неё влюбилось, скажем так, одно высокое, даже очень – самое высокое, лицо, – начальство этой организации и просило выйти за него замуж. Правда, он был женат, но при мамином согласии собирался немедленно развестись. Маме он не нравился, а его высокая должность (и, следовательно, материальная обеспеченность) её не привлекали.

Прошло много лет, мы служили в армии. После победы на Курской дуге, меня и еще двух девушек-регулировщиц нашего КПП представили к медали «За боевые заслуги». Представление попало в штаб фронта, где, как оказалось, это самое «высокое лицо» занимало высокий пост и как раз в службе регулирования.

Фамилия Ржаницына чрезвычайно редкая и данное лицо решило проверить, имею ли я отношение к тому далекому времени. И для этого не поленилось, приехало в штаб армии и затем, в батальон.

Я, как всегда, жила отдельно от родителей, на КПП, папа уезжал в какую-то роту, а мама – писарь, сидела за своими бумагами. И высокое лицо стало уговаривать маму уехать с ним. «Ну, вы же видите, что из вашего мужа ничего не получилось, – какой-то капитан в захудалом батальоне и без всякого будущего!».

Мама не хотела обострять отношения, говорит: «Но у меня же дочь...». – «Кто же откажется от такой дочери, как ваша?». «...И сын есть». – «И сына возьмем!».

«Ну, а как меня можно будет назвать после этого? Прожили половину жизни, вырастили детей, а я уйду и детей с собой заберу. Кто же я буду после этого?».

Хорошо, что он уехал ещё до возвращения папы, вряд ли их встреча была бы приятной.

Думаю, особенность мамы ещё и в том, что она, как и папа, была неравнодушным человеком и, как говорится, «вкладывала душу» в то, что делала.

До войны и в её начале, мама работала в тресте «Облпроект», он находился около Кольцовского сквера. Сквер тогда был больше. Где-то в середине тридцатых годов его потеснили и построили здания, где теперь Дом Художника, там было и здание «Облпроекта». Мама работала бухгалтером и вспоминается, как она сидела дома вечерами и в выходные дни, за подготовкой отчета. «Ну, где же эти копейки?» – восклицала она и объясняла: «Если даже на копейку не сходится баланс, надо её искать. За копейкой могут скрываться большие суммы».

Они дружили с бухгалтером Верой Чайка, бывали в гостях у них дома, и те приходили к нам. Вера – крупная, с полной, хорошей фигурой блондинка, всегда улыбчива, доброжелательна. Её муж Павел с чёрными курчавыми волосами и дочка Инна, на несколько лет моложе меня. Я Инну недолго любила: однажды во время визита к ним, мы с Инной вышли во двор погулять. Она увидела на дорожке жука и раздавила, я не успела помешать. Мы никогда не давили всякую ползающую и летающую живность (правда, тогда не знали тараканов), живое должно жить.

Вера и Инна после войны остались в Киеве, у нас есть их фотографии. Павел погиб.

Мама без специального образования, кроме курсов, а у Веры оно было. И когда началась война, мужчины бухгалтерии ушли на фронт, Вера стала главным бухгалтером, а мама – её заместителем. Управляющий трестом Елизаров Александр Федорович – невысокий, худощавый, можно было бы сказать – щуплый, человек средних лет. Мама говорила: «Вот вроде бы и добрый. А идешь к нему в кабинет по каким-то делам, перед дверью остановишься, вздохнешь глубже, набираясь сил – страшно».

Летом сорок второго года мы случайно встретились с ним, его женой, дочерью Эммой и сестрой Клавдией в Эртильском районе. Они проезжали на волах мимо нашего барака, куда мама с Олегом пришли ко мне. Дальше мы эвакуировались вместе с ними, но об этом особый разговор. Боюсь только, что обо всем не успею рассказать – жизнь, оказывается, была длинной, хотя прошла так быстро!

Я уже говорила, что ещё перед войной мама подрабатывала: вязала из шерстяной пряжи красивые шарфики, модные тогда накидки, платки. На полученную зарплату мама на толпе (так назывался вещевого рынок, там, где теперь автовокзал на Московском проспекте) покупала пряжу. Связанные вещи по воскресеньям продавала на той же толпе, деньги шли на покупку продуктов и прочие нужды. После войны мама уже не работала, только вязала, теперь уже, в основном, платки. Большие белые платки с бахромой.

Мама старалась их делать и теплыми, и красивыми. Её «коллеги» по рынку убеждали, что не надо стараться для продажи на рынке, можно вязать их в одну нить, это дешевле, а также делать проще узор. Только мама любила всё делать хорошо, и хоть это было менее выгодно, зато качественно и красиво.

Конечно, мамина работа была существенной прибавкой к зарплате, только периодической. Отсюда неравномерной трата на питание. Получив после продажи платка деньги, мама покупала продукты, в том числе и что-нибудь вкусненькое, а затем шли напряженные дни. Может, отсюда у меня развилось чувство беспокойства за «завтрашний» день. Вообще всегда, сколько себя помню, была более рациональной, чем мама, более экономной. Не отношу это к достоинствам, скорее, к недостаткам, потому что часто экономия выходит «бокком».

Родители любили землю. Папа в юности пахал, сеял. Мама тоже любила растения, природу. Вспоминаю, с каким трепетом она читала мне в детстве «Лесную газету» Виталия Бианки. Клумбы с цветами – мамина забота и радость перед войной. После войны у нас в Воронеже уже не было клумб – двор мощён булыжником.

Дважды – когда мы жили в «Двуречьи», и на Кубани, мама с увлечением занималась огородом. В «Двуречьи» участок под овощи отвели рядом с дорогой, и Александр Георгиевич подшучивал: «Иду, вижу – кто-то ползает на четвереньках по огороду. Смотрю, а это Анастасия Викторовна. Ну, что, давайте покурим?». И садятся рядышком, довольные друг другом.

Сближала родителей и любовь к литературе, театру, музыке. Они часто ходили в кино, театры, оба любили хорошую музыку. У папы любимый композитор Мусоргский, его оперу «Борис Годунов» он считал вершиной оперного искусства. Бывали они и в оперетте.

Любили петь. Когда ходили в гости, принимали гостей, всегда пели. Не так, как это бывает теперь – поют, когда уже «лыка не вяжут». Нет, сильно выпивших я и не помню. Мама пела романсы, отрывки из оперетт пели с папой

вдвоем, пели все вместе русские народные песни. Они очень обрадовались, когда я, до этого отчаянно «вравшая» «чижика–пыжика», стала ходить в хор при кинотеатре «Пионер».

Объединяло родителей во многом их отношение к быту. Оба ценили материальное благополучие, но не считали его смыслом жизни. Есть – хорошо, но если нет вкусной еды, новой красивой одежды, они не горевали, хотя при наличии и тому, и другому радовались. Их жизнь была в материальном отношении нелегкой, но наполненной более высоким смыслом, а счастье ведь не в покое и благополучии... Во многом они подходили друг другу. Убеждена: папа мог быть счастлив только с мамой.

И папа, и мама еще не раз появятся в моих воспоминаниях, но сейчас, заканчивая этот раздел, хочется привести слова Татьяны Тэсс, журналистки и писательницы, о том, что люди, которые по-настоящему любят и ценят литературу, умеют по-настоящему слушать музыку, – «...это люди, обладающие огромным, неистощимым душевным богатством». И папа, и мама были такими людьми, вся их жизнь показывает это.

ШКОЛА И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В школе я начала учиться, когда мне исполнилось 8 с половиной лет, раньше не приняла. Но к тому времени я хорошо читала и даже ходила в библиотеку. Подготовили меня дома и к письменным работам. Это особенно хорошо запомнилось потому, что трудно переучивалась, – писать правой рукой. Я левша, и карандаш, рисуя, держала в левой руке. Интересно, что в США, судя по телевизору, видимо, не редкость, когда пишут левой рукой. Последние годы и у нас появились «левши».

Вспоминая школьные годы, вспоминаешь не только товарищей по учёбе и учителей, но и само здание школы. Наша, 26-ая школа, – неполная средняя, видимо, из-за недостатка помещения. Сейчас там банк, на проспекте Революции.

До революции – чей-то особняк, трехэтажный. На первом этаже слева, видимо, привратничья. По широкой лестнице между первым и вторым этажами встречал красивый камин, над ним – бюст Ленина на пьедестале, покрытом красной материей.

Там лестница раздваивалась, правая вела на второй этаж – в коридор и классы, левая – в большой зал, с балконом (во избежание несчастных случаев всегда закрытым). В зале с двух противоположных сторон широкие двойные двери, застеклённые вверху, открывались в две большие комнаты – классы. В углу с левой стороны – небольшая дверь на узкую лестницу к третьему этажу, где тоже были классы.

Здание снаружи и внутри красивое, с большими окнами, светлыми, чистыми комнатами. Только туалеты маленькие и тёмные на первом этаже, слева для девочек, справа для мальчиков. Около туалета мальчиков маленькой дверью во двор во время перемен активно пользовались ребята. Двор не привлекал

тельный – мощёный булыжником, окружённый мрачными техническими зданиями трамвайной подстанции.

Девочки предпочитали выходить на проспект. Рядом со школой тогда – редакция и издательство газеты «Коммуна». Около ворот и сейчас стоят два больших шара на постаментах. Мы любили обнимать эти шары (конечно, когда сами были не намного выше шаров, в младших классах).

И сейчас, когда прохожу мимо, тепло вспоминаю ощущение близости, надёжности и беззаботности, – шары, как частица детства.

Больше всего радовал зал. Под большими окнами и дверью балкона – низенькие скамейки – во всю стену. В центре зала на переменах устраивались шумные, подвижные игры – «третий лишний», «каравай», водили хоровод с припевом: «Баба сеяла горох, прыг – скок, прыг – скок! Обвалился потолок, прыг – скок, прыг – скок. Баба шла, шла, шла, пирожок нашла. Села, поела, опять пошла. Баба стала на носок, а потом на пятку, стала русскую плясать, а потом – впрысядку!». Эта игра с припевом существовала задолго до нас, живет и сейчас. Интересно, как наши детские припевки и считалочки отличаются от английских. Судя по Агате Кристи, там детские считалочки совсем иные. Например, десять негритят, нашедших свою смерть, «Макгрейв с жизнью рассталась, а как?».

Добрый у нас народ, потому и сильный. Мы ближе к природе, к целесообразности, направленной на выживание, на продление жизни своей и других.

Возвращаясь к школе, особенно тепло вспоминаю этот большой зал, где можно было отдохнуть – попрыгать после неподвижного сидения на уроках. Если бы я была архитектором, или таким начальником образования, от которого это зависело, я бы все школы старалась сделать с таким залом, где можно побегать на переменах, и чтобы он был в центре, не удалённым от классов. Зал для занятий физкультурой – это совсем другое.

По торжественным дням в зале проходили линейки. Мы выстраивались квадратом в несколько рядов и приятно было смотреть на подтянутых ребят, в красных галстуках, белых кофточках, рубашках, пилотках на голове. Пилотки пошли из Испании, там в те годы шла гражданская война. Мы их шили себе сами из белого материала, с красной кисточкой.

Здесь нас принимали в октябрята, пионеры. Старшие классы занимались в другую смену, их на наших линейках не помню.

Когда началась война, школу отдали под лётное училище, нас распределили по другим школам. Я попала в школу номер 10, в доме, который называется «Утюжок», вход со стороны улицы Пушкинская. Там проучилась один год – в 7 классе. Стандартное здание не оставило впечатлений.

Наши учителя

Учители нам казались людьми «не от мира сего», особые, совершенно особые люди, жизнь которых совсем иная, чем наша.

В первых трех классах нас учила Зоя Митрофановна – не очень молодая, добрая, миловидная женщина. Почему-то в четвертом классе её сменила Ольга

Васильевна. У Зои Митрофановны русые, волнистые, волосы, собранные сзади, голубовато-серые глаза, розовое лицо. Ольга Васильевна иная – коротко постриженные темные волосы зачесаны назад, лицо смуглое, с широкими скулами, зеленоватыми глазами. В отличие от женственной Зои Митрофановны, Ольга Васильевна широкоплечая, несколько мужеподобная, постарше. Обе добрые, и не помню, чтобы кричали на нас. Вообще тогда не было принято криком добиваться внимания учеников.

Начиная с 5 класса, у нас появились учителя по предметам. Особенно запомнилась любимая учительница русского языка и литературы Мария Петровна Линькова, её каштановые, волнистые волосы и большие карие, всё понимающие глаза. Очень добрая, очень тихая, и помню только один шумный урок. Вернее, шум на её уроке. Он памятен ещё и потому, что был ценным уроком жизни, наверное, в чём-то характерным для того времени.

На урок литературы пришла наш директор Мария Адольфовна (о ней несколько позже) и срывающимся голосом сообщила, что наши враги стали на обложках наших тетрадей в рисунках маскировать антисоветские лозунги, фашистские знаки и предложила посмотреть самим на своих тетрадях. На обложках школьных тетрадей в те годы помещали рисунки – копии известных картин.

Конечно, все оживились, урок сорван, все искали «знаки» и бегали к Марии Петровне их показывать. Помню на обложке моей тетради: «Пушкин на берегу моря» я старательно пыталась найти какие-то слова, знаки, но не находила. Помню и мысль: если надписи и знаки такие маленькие, что надо их чуть ли не в лупу рассматривать, то зачем они, и какое могут иметь значение? Но привыкла считать, что старшие лучше меня знают, надо им верить, значит, что-то я не понимаю. Только удивляло и огорчало, что все бегают к Марии Петровне, показывают свои находки, а у меня ничего нет. Наконец, среди морских волн я обнаружила какое-то подобие знака и тоже побежала показывать. Никогда не забуду её взгляд, – грустный и серьёзный, от которого я смешалась и ушла на своё место. Ни слова между нами не было сказано, но многое стало понятно и стыдно.

После того урока я поняла, что «за компанию» можно многое увидеть! Это сильное, но опасное чувство и действие.

Мы не обнаружили тогда никаких слов и знаков. Ничего, действительно, на наших тетрадках и не было, и я долгое время считала, что это либо какая-то провокация, либо что иное. Но совсем недавно, вспоминая со своей близкой подругой этот эпизод, узнала, что у них в школе на обложках тетрадей надписи были. В частности, у неё, да и у других в классе – тоже. На рисунке, где князь Олег прощается с конем. На уздечке коня мелкими буквами, но отчетливо: «Долой ВКП (б)!» и «Клим – гад!». Было это в школе Касимовского района, в 1937 году. Борьба с Советской властью после гражданской войны не прекращалась, хотя и велась скрытно. Были и вредители на заводах, фабриках, в колхозах. Правда, страдали многие невинные люди. Сейчас говорят, это было время, когда все жили в страхе, – не знаю, я страха никакого не знала, да и мои подруги тоже.

Удивительно, память иногда выхватывает из пережитого мелкие, незначительные случаи – мгновения. Помню экзамен по русскому языку и литературе у Марии Петровны.

Тихо, спокойно идет экзамен. Мария Петровна сидит на стуле, полуоборотясь к классу, держит в руке, наслаждаясь ароматом, букетик ландышей. Похоже, монотонность ответов позволила ей уйти в себя, свои мысли. Чувствуется в ней какая-то отрешённость.

Я стою у доски, отвечаю на вопрос по грамматике. Грамматику я не любила и плохо знала, хотя писала всегда без ошибок. В билете по литературе у меня Маяковский – «Необычайное приключение...». Маяковский мне всегда нравился, особенно своим жизнеутверждающим ритмом.

Закончив бубнить правила, глубоко вздохнула и, с чувством, громко: «В сто сорок солнц закат сиял!..». Бедная Мария Петровна вздрогнула, и уткнулась носом в ландыши. Вот это её произвольное движение, почему-то, вспоминается иногда, с тёплым и добрым чувством.

А теперь о нашем директоре. Она была, как говорили, из русских немцев. Невысокого роста, кругленькая, седая, с короткой стрижкой «под мальчика», времен её молодости. Розовощекая, подвижная, энергично проводила с нами линейки в зале. В новой школе я её не видела.

С 5 класса мы стали изучать немецкий язык. Первая учительница немецкого языка Павла Ивановна Челнокова была у нас очень недолго, кажется, даже меньше года, но оставила сильное впечатление. Молодая, красивая, с лучистыми глазами, похожая на модную в то время американскую актрису Дину Дурбин. Сходство подчеркивала причёска с ободком на волосах (или лентой).

Она начала с того, что подходила к каждому из нас, чтобы послушать и исправить звучание, по-моему, самого трудного звука в немецком языке – «Н». Уроки вела интересно, мы очень огорчились, когда узнали, что больше у нас работать не будет. Ходили всем классом к ней домой, упрашивали остаться, но, конечно, напрасно.

Кто был после неё, совершенно не помню. От знания немецкого языка в школе осталось только: «садитесь» – «Sitzen Sie Sich». Так нам говорил учитель, начиная урок. Это сыграло со мною не очень добрую шутку. Когда в первый раз, в 1975 году, я приехала в университет в Галле в командировку и появилась в лаборатории, меня, стоя приветствовали профессор и сотрудники.

В тот момент я вдруг почувствовала себя той маленькой девочкой. Могла ли тогда думать, что поеду в Германию для совместной научной работы! И невольно, совершенно машинально, очень тихо, для себя, произнесла эту фразу, чем вызвала некоторое удивление. Правда, потом поправилась.

В шестидесятые годы я вновь встретилась с Павлой Ивановной, – её дочь и зять работали в университете. Осталась такой же обаятельной. Это она вспомнила, как мы приходили к ней спрашивать, чтобы нас не оставляла. К сожалению, её уже давно нет.

Завуч и известная личность, гроза мальчишек, – физик – Иосиф Яковлевич Ткачев. Высокий, худощавый, уже немолодой, с высоким лбом, серыми глазами на продолговатом лице, часто встречался на переменах. Мальчишки

его боялись, но и любили. Когда где-нибудь начиналась мальчишеская свалка, он появлялся с суровым лицом и улыбающимися глазами. Никогда не кричал, только выжидательно смотрел, останавливаясь перед ребятами. И они, мгновенно, здороваясь, исчезали – рассосредоточивались.

Эта выжидательная улыбка часто возникала у него и на уроках физики. Он любил задавать классу немного каверзные вопросы, и ждал ответа с такой знающей улыбкой, очень доброжелательной. На первом уроке физики спросил: «Что тяжелее – килограмм пуха или килограмм железа?» И был очень огорчен, когда в нашем разнобойном хоре не нашлось правильного ответа. На его уроках пробуждался интерес, жаль, что он вёл у нас физику только один год. Мы с ним встретились в Воронеже много после войны, в середине шестидесятых, разговаривали, вспоминали школу. Потом потеряла его из виду.

Арифметику преподавала Надежда Афанасьевна – полная, яркая женщина, она в сорок втором году ездила с нами в совхоз на прополку свеклы. Меня почему-то всегда звали Оржанных, забывая настоящую фамилию Ржаницына.

Учительница ботаники Людмила Викторовна, – худощавая, не очень молодая. Её называли бы бесцветной – волосы, брови, ресницы, глаза – всё какое-то блеклое. Лицо без румянца, но не смуглое. Добрая и хорошая учительница, но её уроки мне казались скучноваты, хотя уже тогда знала, что буду изучать жизнь растений.

Особое впечатление осталось от учительницы по истории в седьмом классе, совсем не помню, как её звали. Она резко отличалась от всех других учителей. (Поговаривали, что выставили из партийных органов). Видимо, не очень образованная, к тому же некрасивая и, наверное, не очень умная. Дополнительным минусом для нее (и для нас!) было отсутствие учебников, и потому её уроки-лекции мы записывали. Это было неинтересно, скучно. Глядя в свою тетрадь, она монотонно читала и, конечно, возникал шум – записывали не все.

Время от времени она говорила: «Тиша. Ребята, тиша!» и переходила на крик. Как-то раз, вслед за изложением материала, она в той же тональности произнесла свое сакраментальное «Тиша», причем без восклицания, даже несколько вкрадчиво, едва я не записала за ней. Надо же было умудриться такой интересный предмет так бездарно преподавать!

Учительницу геометрии звали Зоя Мстиславна. Высокая, полноватая женщина в пенсне, с темными волосами, уложенными сзади узлом, и всегда выбивавшимися прядями около ушей. Её особенность – большие, выступавшие впереди зубы. Почему-то питала ко мне неприязнь, а мне тоже почему-то было её и немножко жаль, и я её побаивалась. Любви к математике и успехов в этой науке, наверное, потому у меня и не получилось, хотя оценки получала хорошие. Из всех учителей она была единственной, выделявшей меня с неприязнью. Остальные или относились хорошо, или не выделяли.

Правда, был ещё один учитель, как ни странно, по «Основам сельского хозяйства», предмету, введённому в годы войны. Потребовалось научить горожан хотя бы знать семена сельскохозяйственных культур и как их выращивать. Говорили, что в осаждённом Ленинграде бывали случаи, когда в скверах пытались вырастить овощи, сажая рассаду корнями вверх.

Учитель – молодой человек, в больших очках с роговой оправой, розовыми щёками, явно только начинающий свою преподавательскую деятельность. Для начала решил ознакомиться с нашими знаниями. В коробке, разделённой на квадратики, лежали семена проса, пшеницы и других культур.

Когда он подошел со своей коробкой к нам с Полиной Москалевой, я потихоньку стала подсказывать ей названия. Она их не знала, но громко повторяла за мной. Учитель это не заметил, решил, что я ничего не знаю, и стал относиться ко мне в дальнейшем с некоторым пренебрежением, хотя его предмет мне нравился.

Яркой личностью запомнился преподаватель зоологии Зелько Александр (отчества не помню), немолодой мужчина, полный, с выступающими грудью и животом, красноватым лицом. Как ни странно, он меня запомнил (никаких особых достижений в его науке у меня не было). И когда после армии мы написали письмо в школу, с просьбой подтвердить мою учебу и окончание семи классов, он, будучи директором школы в 1944 году, прислал справку и написал, что помнит меня, а, может, запомнилась редкая фамилия?

Учительницу по химии помню только зрительно, успехов не было, никак не могла образно представить себе, что происходит при взаимодействии атомов и образовании молекул.

Ученики

Первую знакомую (познакомились во время перемены, облокотясь на перила парадной лестницы) звали Валя Баева. Запомнилась, наверное, потому, что впервые, преодолев смущение, я задала вопрос и получила такой же смущённый ответ. Больше её не помню, мы учились в разных классах.

В первых двух классах я сидела рядом с девочкой, у которой мама работала уборщицей в драматическом театре. Часто вместе с ней ходила на вечерние спектакли, на галёрку, без мест. Сколько мы посмотрели тогда! Старше, заядлой театралкой, ходила уже по билетам. Прекрасные были спектакли, прекрасные мастера: Поляков, Васильев, Вишняков.... Всех не перечислить.

Во время войны бомба попала в середину театра. Не разорвалась, но погиб артист Озеров, он там дежурил. После освобождения Воронежа, театр быстро восстановили. И тоже были очень хорошие артисты: Шкурский, Аристов, Пальмин, Зимбовский, Мачехина, Рощина, Неелова... А лучшего «Пигмалиона», чем с Матюшкиной, не видела никогда.

Позже одно время увлеклась цирком. В детстве, мы все, наверное, любили цирк. Особое ощущение охватывает сразу же при входе: запах цирка.

А как чудесно зажигаются огни – постепенно, подготавливая к празднику. Звучит оркестр, его вступление нельзя передать словами... Но, как ни покажется это странным, я увлеклась борьбой, она проходила во втором отделении. Тогда её называли, классической, или французской.

Несколько пар борцов разной весовой категории показывали своё мастерство. Я ходила почти весь сезон, уже только на второе отделение. Конечно, где

самые дешёвые билеты, на самый верх. Дома делилась успехами борцов только с мамой, больше никто меня не понимал.

После войны, в сорок восьмом году снова побывала на борьбе. И эта борьба вызвала у меня почти тошнотворное впечатление. Помню Калишевича из тяжёлой весовой категории. Он стал толстым, дряблым. Борцы боролись не с азартом, со злостью... Грустно было и непонятно: я ли повзрослела, и изменились пристрастия, или так изменились борцы...

Но как бы то ни было, больше уже смотреть борьбу не хотелось.

В первые годы учебы часто находилась вместе с Галей и Тамарой Алексеевыми. Две сестры, мало похожие между собой внешне, но всегда неразлучные, никогда не ссорились.

Особенно памятна Галя Федорова, с большим горбом и, кажется, большим сердцем. Жила на нашей улице, ближе к реке. За ней заходили родственники, опекал её и двоюродный брат, ученик нашего же класса Глеб Фролов. Её все любили, относились очень по-доброму, жалели. Галя и Глеб, чувствовалось, из образованных семей. Глеб чистенький, миловидный, образцово-показательный с точки зрения внешности, учился неплохо, но не привлекал внимания. Галю домашние старались баловать, у нее всегда имелись деньги, и она покупала в продуктовом магазине рядом со школой (магазин в обиходе называли «Кулешова-Льготчикова», по имени владельца до революции) слоёные булочки. Стоили эти булочки 15 копеек, не очень дёшево, мало кто имел такую возможность. Покупала и мороженое.

Тогда мороженое продавали не так, как сейчас. Мороженое продавщица на улице накладывала с помощью специальной металлической формочки на круглую вафельку и закрывала такой же вафелькой. Мороженое лизали, держа пальцами за вафельки. Формочки и вафельки разного размера, соответственно, разная и порция мороженого. Самая большая порция, думаю, грамм 50, маленькая – 20 грамм.

Галя во время войны погибла, Глеб остался жив, его видели у нас в театре в кордебалете.

Из девочек памятны Клава Колокольникова, Лена Водяных, Галя Пожидаева, Полина Москалева. Но особенно – Аня Грибкова – моя самая близкая школьная подруга. Умница, добрая, активная. Мы с ней попеременно занимали должности пионервожатой и старосты класса. Особых забот это не вызывало, следили за успеваемостью, посещаемостью и разбирали на классных собраниях. Эта сторона жизни класса запомнилась мало, может, потому, что в основном, учились хорошо, да и прогульщиков не было. Во всяком случае, не помню.

Однажды нас прикрепили к мальчишкам – сорванцам. Меня посадили рядом с Фетисовым – чёрненьким, красивым мальчиком. Мне следовало следить, чтобы он на перемене не бегал, но он, конечно, не слушался. Это, наверное, в 5 классе.

Из мальчиков особенно памятны дружная троица – Виктор Козлов, Слава Шелякин и Борис Шаламов. Часто с ними бывал и Паша Наливкин. Ваня Корчагин держался обособленно. Еще помнится в младших классах Юра Понома-

рев. Почему–то считалось, что он хулиганистый мальчишка. Из бедной, видимо, неустроенной семьи, с больной рукой, что-то с пальцами. Я на уроках часто смотрела на него с удовольствием. Он сидел далеко от меня, у окна, часто обращившись к соседям на задней парте, или вообще сидел вполборота к классу и учителю. В его приятном, даже красивом лице, не чувствовалось наглости и какого-нибудь отрицательного налёта, но учился он неважно.

Самой заметной в классе была тройца, о которой я говорила, все из интеллигентных семей, учились хорошо и вели себя примерно. Слава с большим, немного выпуклым лбом, серыми глазами, всегда улыбался. Борис – блондин с продолговатым лицом, светлыми глазами, очень добрый. Заводила среди них – Виктор. В отличие от шатена Славы и блондина Бориса, Виктор – брюнет с чёрными бровями и синими глазами, но невысокого роста. Яркая личность во всём, учился превосходно, и знал почти по всем предметам гораздо больше, чем это полагалось по учебникам. Возможно, поэтому, но, думаю главным образом потому, что он старался эти знания выпячивать и очень хотел получать только отличные оценки, ему их, бывало, и занижали, – ставили «четверку», против чего он протестовал. У нас с ним проходила как бы конкуренция. Бывало, что мне ставили отлично, хотя я сверх программы не знала, а ему – хорошо – но у него знаний было больше. Конечно, его это обижало.

Война оставила в живых Бориса, Ваню, а Славу, Виктора и Пашу не пощадила, говорили, что они погибли.

В 7 классе у нас учился Лёня Куликов – интересный мальчик со светлыми волосами, тёмнобровый и тёмноглазый. Мы однажды ходили с ним вдвоем в кино, бывали и на катке, но дружбы не получилось. Говорили, он тоже погиб. Много ребят унесла война.

Несколько лет назад мы встречались: Клава Колокольникова, Ваня Корчагин, Лариса Пожидаева (врач – хирург, считаю её героической женщиной – без одной ноги, на протезе делать операции!), Нина Черникова. Многие лица настолько мало изменились, что легко узнаваемы. Лена Водяных работала медсестрой в поликлинике, мы с ней встречались и по дороге на дачу.

Была назначена еще одна встреча, где был и Боря Шаламов, но я перепутала и на нее не попала, о чем жалею и сейчас.

РАЗНОЕ

Я болею

Когда училась, у мамы на работе устраивали после докладов в торжественные дни, на Новый год, концерты самодеятельности. В них участвовали взрослые сотрудники и дети. Мы танцевали, читали стихи, разыгрывались с нами маленькие пьески. В пьеске я не участвовала, но её текст запомнила. Пьеска в стихах о неудачливой обезьянке – фотографе. Она пела:

«Я – фотограф лучший в мире. Даже звери говорят, что как дважды два – четыре, мой проверен аппарат.

Одного дикообраза снял я сто четыре раза. Снял и в профиль, и в анфас, он же всё – дикообраз.

На меня в обиде цапля, возвратила мне портрет, и сказала, что ни капли, сходства с цаплей в снимке нет.

Снял двугорбого верблюда и портрет уже готов. На портрете, что за чудо – ни верблюда, ни горбов!

Я слона бы снял охотно, только слон великоват, – он один из всех животных, не влезает в аппарат».

Я была в группе танцующих, но, к сожалению, не пришлось выступить, как раз в тот день заболела плевритом. Болела долго, с высокой температурой лежала в постели, и меня усиленно кормили. Особенно много по велению врача выпила сырых яиц. Много съела больших красных яблок.

Помню, папа мне однажды принес пирожное – кусочком. Мама его поругала: я люблю «трубочки». Мне тоже жаль, что пирожное не «трубочка», но говорю, что это ничего, мне тоже нравится: не хочу, чтобы папу ругали. Судя по этому эпизоду, жили мы не очень обеспеченно, другое пирожное купить было не просто.

Врачи советуют послать меня летом в детский санаторий. На маминой работе меня премируют за отличную учебу, покупают путевку в Графский санаторий. Мама рассказывала, – со службы позвонили в школу, спрашивали, отличница ли я. В ответ: «Отличница, отличница, только вот болеет...».

И не нужна была справка.

В санатории провела два срока, родители купили вторую путевку. Там было интересно, мы играли в войну, читали, пели. И там с помощью воспитателей, поставили эту пьеску про обезьянку. Я не играла в ней, но рассказывала слова и показала сцены, которые ставила наша руководительница у мамы на работе. Всем понравилось. Меня только огорчило, что здесь на обезьянку надели маску. Без неё были бы видны ужимки!

У мамы на работе эта женщина очень удивлялась, как это я смогла запомнить и поставить пьеску. Мама очень этим гордилась.

Книги

Не помню, когда меня учили читать, помню кубики с буквами. Читать стала рано, говорили, в пять лет уже читала. А когда исполнилось семь лет, меня записали в библиотеку Дома учителя (напротив нынешнего Дома Книги стояло одноэтажное здание).

Помню, в первый раз взяла две книжки: про портовую собачку Муху, грустный рассказ, и что-то со стихами. Когда возвращала книги, библиотекарь спросила, о чем книжки: кажется, не поверила, что я читала сама.

В библиотеке разрешалось ходить между полками, самой выбирать книги. Этот книжный запах, потрепанные книги (самые интересные) и сейчас очень дороги. Новая, красивая, хорошо иллюстрированная, не вызывает такого чувства, какое охватывает в библиотеке среди старых книг.

В детстве мне сначала казалось, что домашней библиотеки не нужно: написано столько, что жизни не хватит, чтобы прочитать хотя бы по одному разу.

Но уже вскоре мнение изменила. Помог случай. Я обращаюсь к бабушке: «Бабушка, что мне почитать? Хочется что-нибудь смешное». – «Почитай Чехова». Чехов у нас есть, хотя из-за переезда родителей в Вологду и обратно, книг дома мало.

Чехова я читала года два назад и, действительно, смеялась над незадачливым «Злоумышленником» и другими героями рассказов. Беру книгу, начинаю читать, и не понимаю, над чем смеялась прошлый раз? Это не смешно, а очень, очень грустно... Да, правы те, кто считает, что классику надо перечитывать, по крайней мере, раз в десять лет: многое понимаешь совсем иначе, многое видишь, что не замечал раньше.

Кроме того, мне кажется, в начале жизни, в первой её половине, книги учат, помогают узнать что-то новое, узнать жизнь. Когда становишься много старше, книги позволяют вновь сопереживать событиям тех времён. С возрастом особенно чувствуешь, что книги – друзья. И хорошо, что с ними можно встречаться, когда захочешь. Нет, обязательно нужна домашняя библиотека.

В Доме Учителя однажды нас, любителей книг, собрали, чтобы мы дали концерт для учителей, прочитали стихи.

Пришел настоящий актер подготовиться к выступлению. Для начала решил узнать наши артистические возможности. И дал задание: взять предполагаемую чашку со стола и перенести её на другой стол. Но не понял, что нам надо было преодолеть смущение, застенчивость. Во всяком случае, мы не смогли хорошо выполнить задание. Почему-то было немного стыдно это изображать.

Наша бездарность огорчила артиста, но стихи он с нами выучил (научил нас читать). Мне досталось стихотворение Некрасова. Хорошо помню, своё выступление перед полным залом одетых в пальто людей, правда, зал небольшой. «Дело под вечер, зимой, и морозец знатный...» громко произносила я, без запинки и даже с выражением, как сказали родители. Конечно, они находились в зале.

И сейчас люблю старые, потрепанные книги. Только один раз читала с удовольствием новую книгу. Было это во Дворце Пионеров, до войны.

До войны у нас был прекрасный, настоящий Дворец – с мраморными ступенями, коврами, идеальной чистотой. Мой муж рассказывал, что почти всё время после школы проводил там. Он занимался в изостудии, но во дворце работало много кружков, самых разных. Был и небольшой кинозал, хорошая библиотека.

Видимо, стараясь привлечь школьников, нам устраивали коллективные посещения фильмов. Мы приходили классом задолго до начала сеанса, расходились по зданию, нам показывали помещения и работающие кружки.

В тот раз в читальном зале я впервые познакомилась с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Книга, большого размера, с цветными иллюстрациями, на прекрасной бумаге, была очень хороша и по внешнему виду.

Неудивительно, что я увлеклась и не скоро заметила, как невдалеке, сбоку, сидит старичок с узкой бородкой клинышком, поглядывает на меня, а ка-

рандаш бегают по бумаге. Я смутилась, замерла, не зная, как себя вести. К счастью, вскоре прозвенел звонок, приглашая в зрительный зал.

Все вскочили, заметили старичка, окружили, рассматривая рисунок, подошла и я. Все говорили, что очень похожа. На карандашном рисунке я сидела, слегка нагнув голову к книге, и хорошо был виден мой длинный нос. В профиль он заметнее, чем мне в зеркале. Я представляла себя иной, чем видится со стороны. Такая я себе не понравилась. Кажется, он огорчился, когда узнал, что не занимаюсь в кружках Дворца Пионеров.

После войны в нашем музее изобразительных искусств увидела портрет того старичка. Известный художник Бучкури, во время войны оставался в Воронеже, фашисты его расстреляли.

Наши друзья – животные

За мою жизнь у нас перебывало довольно много разных животных – собаки, кошки, птицы, даже черепахи и ёжик. Но почти все они попали по несчастной для них случайности. Первыми помнятся мышки.

Когда я была маленькой, да не такой уже и маленькой – лет семи – восьми, мне соседи приносили, а чаще звали к себе, чтобы забрала мышку, попавшую к ним в мышеловку.

Я сажала мышку в большую банку, завязывала горлышко марлей, чтобы она не выпрыгнула, но проходил воздух. На дно клала вату, кусочки хлеба, сыра, садилась рядом, наблюдая за пленницей. Сначала она пряталась, но скоро высовывала мордочку, выбиралась целиком, захватывала передними лапками угощение, и, поглядывая на меня чёрными блестящими глазками, начинала быстро-быстро его уписывать. Не помню, чтобы давала мышке воду, но это и не требовалось: долго в банке она не задерживалась. Домашние уговаривали мышку отпустить. От неё шел неприятный запах, и боялись, что она выпрыгнет и поселится в нашем доме.

Часа через два-три я уходила на свой обрыв, и, потихоньку от соседей (вряд ли они поблагодарили бы за мои действия), выпускала пленницу.

Следующим помню Чивика. На маминой ладони лежит крохотное фиолетовое существо – маленький воробышек. Во дворе мальчишки подобрали его, выпавшего из гнезда, и решали, что с ним делать, когда я шла мимо на свой обрыв. В руках у меня маленькая курочка, вырезанная из дерева.

Обмен: руки – в руки, – состоялся быстро, и я в восторге принесла свою добычу домой. Не скажу, что в таком же восторге была мама: очень маленький воробышек даже не мог держать голову, она бессильно лежала рядом с тощим тельцем, покрытым остатками пуха и копыцами – пёрышками, заключёнными в чехлы. На голове закрытые плёнками глаза и большой жёлтый рот.

В первые дни ухаживать за птенцом было трудно – рот надо было приоткрывать и класть в него кусочки белого хлеба, вымоченного в молоке. Днём, когда мама была на работе, этим занималась бабушка. Мне в то время было лет семь, и столь ответственное дело, естественно, не доверялось.

Через несколько дней воробышек, которого называли Чивиком, уже самостоятельно широко раскрывал рот и кричал, требуя пищи. Подрастая, Чивик стал узнавать маму. Она кормила его из розетки, постукивая ложечкой по стеклу.

Жил он сначала в коробке, со временем стал из неё выбираться и летать по комнате. Очень любил сидеть на раскрытой двери в комнате, что всегда требовало внимания. Маму очень хорошо выделял из всех домочадцев, и когда она приходила с работы, летел к ней на плечо, заглядывал в лицо, отчаянно чирикал. Где бы он ни был, стоило его позвать – постучать ложечкой по розетке, сразу же летел к ней на плечо.

Окна у нас днём всегда были открыты, на подоконнике стояли плошки с цветами. Чивик часто сидел на них, и никогда не улетал. Но однажды, я держала в руках шляпку (летом проветривали от моли), подошла к окну, где сидел Чивик, и стала накрывать его шляпкой – хотела поиграть с ним. А он вывернулся из-под шляпки, и вылетел не в комнату, а во двор.

Двор у нас был зелёный, окружён высокими деревьями клёна, вяза, лип. Туда и перелетел наш совсем ещё молодой воробышек. Далеко не улетел, сел на одно из деревьев, пронзительно чирикал. Не менее пронзительно дома пускала слёзы я.

Пришла с работы мама, сказала: «Не волнуйтесь, сейчас прилетит». Взяла розетку, ложечку, пошла к дереву, где он чирикал, постучала ложечкой по розетке, позвала: «Чивик, Чивик!». Чивик спустился в маме на плечо и так торжественно, на глазах восхищённых соседей, они прошли в дом.

И всё было по-прежнему. Но шло время, Чивик стал взрослым, и когда услышал во дворе щебет своих родственников, теперь уже сам вылетел из окна. И мама не смогла его дозваться, когда вернулась с работы.

Было огорчительно, но и радостно – Чивик нашёл родных, заведёт свою семью.

Вскоре маме пришлось выхаживать такого же маленького птенца (маленького по возрасту, не по размерам).

Но прежде чем говорить о маленькой сойке, надо рассказать о том, что с нею было связано.

Несколько лет родители на время маминого отпуска снимали дачу у лесника около посёлка Бор (за Графской). Землянку, хоть и тёмную, но очень уютную. Место замечательное – в лесу, рядом высокие сосны, за ними лиственный лес.

Купаться ходили в посёлок на пруд, где стояла деревянная купальня, перегороденная на мужское и женское отделения. Можно было плескаться и внутри, там мелко. Теперь таких купален не делают, это остатки помещичьего быта.

В годы моего детства гладили бельё паровыми утюгами, внутри горел древесный уголь. Уголь готовили специально в лесу, привозили в больших, во всю телегу, плетёных корзинах, на Мясной базар. Теперь это площадь с памятником Кольцову, около нового драмтеатра, Дворца Юношества, Покровского собора.

Поскольку речь зашла о Мясном базаре, не могу удержаться, чтобы не вспомнить о нашем с мамой увлечении. В конце весны и начале лета на Мясном базаре продавали купыри – высокие растения семейства зонтичных. Их стебли в период роста были нежными и очень вкусными. Мы сдирали кожицу, покрытую волосками и красными точками, и поглощали стебли в огромном количестве. Во время сезона я почти каждый день ходила на рынок и приносила охапки пучков этой зелёной травы. Теперь, к сожалению, купырей (не знаю ботанического названия) давно нет. Низины, где они росли, или высушили, или затопили морем.

Лесник, наш хозяин, заготавливал в специальных ямах древесный уголь, зимой привозил продавать. Останавливался у нас. Лошадь ставили в сарай, а он с товарищем располагался в комнате на полу. При нашей тесноте другого места не было.

Я очень радовалась их приезду – ходила в сарай и гладила добрую лохматую лошадку. Вертелась у её головы, что, конечно, ей мешало, но она на меня не обращала внимания, ела сено.

В тот год, кажется, на другой, а, может, в самый день приезда, вижу – на лужайке перед домом, у подножия высокой сосны, лежит голый, беспомощный, но живой, – птенец сойки. Конечно, принесла его маме. Мама пришла в ужас: отдых будет испорчен. Ведь птенец требует непрерывной заботы и внимания. Упросила она мальчишек, залезли на дерево, положили птенца в гнездо.

А на другое утро под деревом опять лежал птенец. Тот ли это был, или другой, почему он оказался на земле, но стало понятно, без маминой заботы ему не выжить.

Положили в коробку мягких тряпочек, посадили птенца, и началось мамино бдение. Через каждые 15-20 минут мама подносила к его голове кусочек булки в молоке. Птенец широко раскрывал рот, и заглатывал без колебаний необычную для него пищу. Очень скоро научился требовать – кричать. Когда возвращались в город, он был уже красивой птицей с голубыми полосками на крыльях. Назвали его Сокочка.

Дома свободно перемещался по комнате, благо кошек у нас не было. Совсем ручной, любил у бабушки, когда она ложилась отдыхать, перебирать волосы около уха. Осторожно так перебирает клювом, будто причёсывает. Бабушке это очень нравилось.

Сойка часто забавно, как бы удивляясь, поднимала пёрышки на голове – хохолок. Особенно, когда её звали, и что-то по-своему, говорила.

Так прошла зима, наступило лето. Мы собирались вновь ехать в Бор, где хотели выпустить уже взрослую сойку, на волю, к своим родичам. Но произошло несчастье. В открытое окно вскочил чужой, с соседского двора, кот, схватил сойку и быстро выскочил обратно. Мы кинулись искать, но он, как сквозь землю провалился, только несколько пёрышек на дороге осталось... Долго мы горевали.

Больше птенцов маме выхаживать не приходилось, а случайные птицы жили часто, до весны, весной выпускали.

«Доктор Миша»

Весной тридцать девятого года мне подарили серого крольчонка, шиншиллу. Пока он был маленький, жил в комнате, но когда подрос, встал вопрос – что с ним делать? Конечно, не могло быть и разговора, чтобы съесть. Кто-то подсказал, – отдайте в зоопарк.

За несколько лет до войны на проспекте Революции, за домами, примерно, напротив ресторана «Бристоль» из живого уголка начинал вырастать зоопарк. Когда я принесла своего кролика, зверей было ещё немного. Юннаты ухаживали за кроликами, белками, морскими свинками и прочей мелкой живностью. Живой уголок быстро пополнялся. Летом привезли крупных животных, в том числе ослика. С уздечкой и настоящим седлом. К нашему восторгу нам разрешили на нем прокатиться по саду. Выстроилась длинная очередь, но мне прокатиться не удалось: юные наездники быстро стёрли холку до крови.

Примечательно, что дать имя, назвать ослика доверили нам, детям. Возник спор. Одни хотели назвать его Доктором, другие – Мишей. В качестве компромисса он стал Доктором Мишей.

«Это вам для нюха»

Тем летом маме дали санаторную путевку в Феодосию. Мама со своей подругой Верой решили использовать возможность и взять меня с собой, совершить экскурсию.

Мы доехали поездом до Симферополя, дальше автобусом до Севастополя, где жили знакомые. Осмотрели город, в том числе знаменитую панораму «Обороны Севастополя» (в войну её успели вывезти последним теплоходом). Дальше мы теплоходом отправились в Ялту, побывали в Ливадии. На следующий день другой теплоход отвез нас в Феодосию. Мама осталась в санатории, а я с Верой поехала под Мелитополь, где жил Верин брат, заведующий сельской аптекой (фото 12).

Конечно, поездка была очень интересной, но особенно запомнилась наша прогулка в Ливадию. По дороге туда мы встретили мужчину, видимо, он там работал – рабочий. У него в руках два огромных, величиной с тарелку, белых цветка с сильным, приятным ароматом. Очарованные, мы его остановили и он, рассказав, один цветок подарил нам: «Это вам для нюха». И предупредил, чтобы

Фото 12. Мама в санатории, Феодосия, 1939 г.

не оставляли на ночь в комнате, иначе можно умереть.

Так впервые, я увидела цветок магнолии. Высохший пестик еще долго сохранял свой аромат и остался в Воронеже во время войны, а добрая память о том мужчине и его слова, сохраняются и сейчас.

Наш хор

У нас в Воронеже до войны был детский кинотеатр «Пионер» – напротив «Пролетария»: небольшое здание, с холодным холлом для кассы, двумя большими комнатами перед входом в кинозал. Зал небольшой, если не ошибаюсь, 19 рядов по 16 мест, и балкон.

В первой большой комнате с четырьмя четырехгранными колоннами посередине, стояло пианино, по вечерам в субботу и воскресенье выступал хор и оркестр. В обычные дни перед вечерними сеансами дежурили участники хора и оркестра – по очереди бывали затейниками, проводили подвижные игры со зрителями. В следующей комнате стояли столы, там желающие играли в шашки и шахматы.

Зрители – днём – главным образом, школьники младших и средних классов. На вечерние сеансы приходили и постарше, даже взрослые. Порядок поддерживала администратор – высокая крупная женщина средних лет с красивым, но суровым лицом, черными бровями, – Мария Герасимовна. Её голова всегда повязана платочком, почему-то помнится – красным, хотя, может, и ошибаюсь. Так повязывали платочки комсомолки-пролеткультовцы в двадцатые годы. Очень добрый человек, но напускная строгость помогала поддерживать порядок в шумной компании зрителей.

В те годы почти в каждом кинотеатре вечерние сеансы, по крайней мере, в праздничные дни, предваряло выступление в фойе своего джаз-оркестра. Особой популярностью пользовался джаз под управлением Виницкого в кинотеатре «Пролетарий». В городе Виницкого звали любовно – Зяма. Немолодой, рыжеватый, практически без волос, с большими серыми глазами, большим горбатым сухим носом, был удивительно некрасив, однако пользовался не только популярностью, но и обожанием женщин.

Кинотеатр «Пионер» тоже обрел своего талантливого руководителя, пожалуй, с не меньшей популярностью у прекрасной половины рода человеческого, лишь в соответствии с разницей возрастов. Поклонниц у Серёжи Ибраева среди девчонок было не меньше, чем у Зямы поклонниц женщин.

Серёжа – студент театрального училища, в сорок первом году ему исполнилось 19 лет. Но уже в те, предвоенные годы, его называли молодым воронежским композитором. Он написал музыку к нескольким стихотворениям воронежских поэтов. Особенно помню Бориса Миротворцева – невысокого роста, с круглым лицом, в очках, он часто приходил в «Пионер».

Мелодии Сергея хорошо звучали и пользовались успехом. Весело звучала «Майская песня» («Песня пролетает из края в край, Родина встречает наш веселый май. И цветы, как точки, в зелени полей, распустились почки стройных тополей. Там, там, там, – горны трубят, барабаны бьют. Там, там, там, дружный

отряд отдает салют!»). Большинство песен лирических: «Если мой возлюбленный развернет гармонику, стихнут ветры буйные и замрет гроза. И любая девушка выйдет к подоконнику, чтобы парню русому заглянуть в глаза...». Мне нравились: «Лягут мысли чернильной тенью на бумагу, сливаясь в стих...» И еще были песни, мелодичные, добрые.

Сергей руководил небольшим хором и оркестром, в нем был тромбон, горн, кларнет, гобой, саксофон, что-то ещё, не помню. Исполнители такие же молодые ребята, как он. Только у пианино взрослая женщина Евгения Петровна Королёва.

Как я сказала, Сергей пользовался успехом у девчонок, в число его поклонниц попали и мы с Ириной. Ира на два года старше меня и, кажется, более рассудительна, хотя, может быть, менее открыта. Ну, а я была очень влюблена. Помню, как-то раз, он проехал по проспекту на велосипеде мимо, это была такая радость...

Ходили мы с Ириной в кино по воскресеньям, чтобы смотреть, как он дирижирует хором и оркестром, любовались на него. И однажды решили, что должны с ним познакомиться. Причем добиться того, чтобы он здоровался с нами за руку. Для достижения этой цели сначала требовалось вступить в хор. Мы заявили Сергею о своем желании, и нам назначили время «экзамена».

Никогда не забуду этой процедуры. Во время одной из репетиций хора нас собирались прослушать. Все хористы расселись по стульям, стоявшим у стен. А нам надо было что-то спеть под аккомпанемент пианино. Первой слушали Ирину. Что она пела, не помню, только она с честью выдержала испытание, спела без фальши.

Я, как уже говорила, огорчала маму тем, что без ошибок не могла пропеть «чижик-пыжик», а тут надо петь на глазах у многочисленных зрителей, да к тому же «специалистов» – хористов и около Серёжи!..

Неудивительно, что даже «Катюша» у меня звучала ужасно. Сергей, видимо, почувствовал моё большое желание попасть в хор, стал испытывать способность к ритму. Здесь я не оплошала – выстукивала разные ритмы-такты довольно успешно. Вердикт был такой: «Вас – (Ирине), принимаем в хор. А вас (мне) – принимаем с испытательным сроком. Через десять дней повторим испытание, и тогда будет решение окончательное».

Если бы я поступала одна, то, конечно, туда больше бы не заглянула, но не могла же я оставить одну Ирину! И Ира, тоже без меня не стала бы ходить в хор. Надо сказать, что никакого больше испытания не было. Я не фальшивила, поначалу, если была не уверена, только раскрывала рот. Ну, а дальше пришло умение владеть голосом.

Правда, и теперь, если волнуясь, не умею правильно взять ноту.

Это я поняла позже, в армии. Меняли гимн – «Интернационал» на «Гимн Советского Союза». Чтобы в частях знали новый гимн, собрали из разных подразделений представителей, разучивали слова и музыку. Мелодия мне хорошо знакома, – текст гимна положили на мелодию гимна партии большевиков, который мы пели в хоре. Но когда меня попросили пропеть куплет, я со своим голосом справиться не могла – сфальшивила.

Ну, это я слишком убежала вперед. А тогда мы прилежно ходили на репетиции, пели вторым голосом. Звучание нравилось, но мы были так далеко от счастливых первых голосов, стоявших около пианино, ведь к ним подходил Серёжа!

Слух у него был превосходный и строгость тоже. Если слышал хоть немного неверный звук, его казахские зелёные глаза становились круглыми, и пронизывали, казалось, насквозь. Нрав был «серьёзный» – вспльчивый был очень, кричал и ругал провинившихся. Но на нас с Ириной голоса никогда не повышал, уж очень мы старались!

Мы выступали по субботам и воскресеньям перед двумя последними сеансами. Строгая форма – белый верх (кофточка), темный низ (юбка), красные галстуки у хора, дисциплина во время концерта, руки за спиной. Все это производило, видимо, хорошее впечатление на зрителей, да и нам нравилось.

Были у нас хорошие солисты. Особенно – Ляля Герик. С лицом херувима: огромные голубые глаза, светлые волнистые волосы, маленький рот с пухлыми губками! И пела очень хорошо. Её коронный номер «Песня о скворце» – («Много лет весною с юга...»). К сожалению, она не певица, – учительница английского языка в школе, но осталась такой же красивой.

Прекрасно пел Юра Пахомов – невысокий смуглый паренек с серыми глазами. Ему обещали большое будущее, но во время войны он погиб. Его сестра – блондинка, на него совсем не похожая, пела неплохо, но не так хорошо, как Юра.

Нам доставляло большую радость не только выступать, но и ходить на репетиции. А однажды для нас, – хора и оркестра, – устроили костюмированный бал. Приходил из театра гримёр, с париками. Все стали неузнаваемы. У меня был костюм восточной женщины – приблизительный. Мама сшила мне из зелёного сатина шаровары, белая кофточка с круглым воротом и ягодками, вышитыми по нему, широкий пояс – кушак. Но, главное – парик – с двумя чёрными косами до пояса. Загримированную, в костюме, мама меня не сразу узнала.

Они часто приходили на наши выступления, познакомились с Серёжей, и папа подсказал ему дивертисмент к песне «Во поле береза стояла», его пели у них на вологодчине.

Звучит: «Пойду я лес погуляю, белую березу заломаю, люли, люли погуляю, люли, люли заломаю...». И сначала потихонечку речитативом, вступает хор: «Тары, бары, растабары, снега белы выпадали, серы зайцы выбегали, охотнички выезжали, всех собак своих спускали, красну девку испугали! Ты девица стой, стой, стой! Красавица, с нами песню пой, пой, пой! Чувиль, мой чувиль, чувиль навиль ю виль виль. Еще чудо перво чудо, чудо родина моя! Еще чудо, перво чудо – чудо Родина моя!!!». Звук нарастает и ускоряется темп по мере перехода к «красной девке», а дальше хор уже звучит мощно. Это было такое неожиданное, задорное вкрапление в известную песню, всем нравилось, и нам, и зрителям.

Все наши выступления заканчивались одинаково. Сергей поворачивался лицом к зрителям и звучал речитатив: «Всему свой час – труду и наслажденьям.

Ждет завтра нас серьёзных дел гора! Моя игра подходит к завершению, расстаться нам теперь пришла пора. Счастливый путь, спасибо за внимание! Счастливый путь, устали вы и я. Счастливый путь, до скорого свиданья!».

И заканчивает хор: «Счастливый путь, счастливый путь, друзья!».

Шло время, хор и оркестр пополнялся, теперь уже оркестранты располагались в два ряда, как и хор. Всего насчитывалось примерно 60 человек. Условно репертуар, в начале сорок первого года мы репетировали уже на четыре, а не на два голоса. Летом собирались ехать на фестиваль в Москву. И беспокоило только, что Сережу весной могли взять в армию на срочную службу, – ему исполнялось 19 лет Он нам с Ирой подарил на прощание фотографии-визитки, с надписями. Ире – «На память Ирине», мне – «На память Галочке от Сэркена».

Как вдруг...

На этом первый этап воспоминаний заканчивается, дальше жизнь стала совсем иной, и воспринималась тоже по-иному. Тогда, 22 июня 1941 года, кончилось моё пионерское детство, хотя в то время я еще это не поняла.

Когда началась война, в Воронеж приезжала сестра Сергея, она и его родные, жили во Фрунзе. Приехала проводить Серёжу на фронт. Приходила к нам домой, звала к себе пережить трудные годы. Но мы не захотели никуда уезжать.

Прежде чем сделать перерыв, надо закончить рассказ о хоре. Как я уже говорила, Сергея считали талантливым композитором и предрекали ему большое будущее. Но после войны он остался в армии. Его случайно встретили в Воронеже мама с папой летом 1951 года (я была у мужа). Он спрашивал обо мне, ещё не был женат, служил в Ленинграде. Несколько лет спустя говорили, что он умер. Евгения Петровна Королёва, наша пианистка, после войны жила в Воронеже, мы с ней встречались. Из оркестрантов Абрам – высокий, худощавый, долго играл в оркестре ресторана Воронеж. Вадим Ижогин стал видным музыкальным деятелем в Воронеже. К сожалению, его тоже нет.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА С НАМИ. Вместо предисловия	4
Для внуков, для будущего Родины. Э. Ефремов	5
ДЕТСТВО. РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ	8
Начало жизни	8
Меня крестили	9
Мои родители	10
Дедушка и вера в бога	13
Как мы узнали судьбу деда?	17
Бабушка	18
С бабушкой связано и еще одно воспоминание	21
Джимка	23
Квартиры и соседи. Наш двор	25
Во сне и наяву. Лошади	36
Брат	38
Ещё о родителях	41
ШКОЛА И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ	51
Наши учителя	52
Ученики	56
РАЗНОЕ	58
Я болею	58
Книги	59
Наши друзья – животные	61
«Доктор Миша»	64
«Это вам для нюха»	64
Наш хор	65
Как вдруг	68